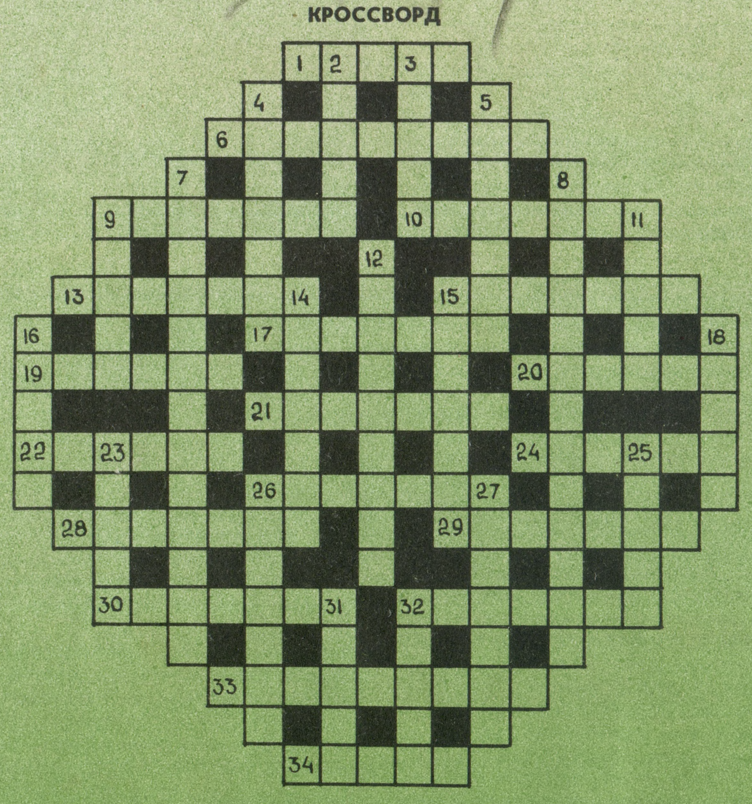
Цена 15 коп. 23-1-14 Индекс 73755

П о г о р и з о н т а л и: 1. Болотное растение. **6.** Советский математик, академик. **9.** Минеральное образование, состоящее из кварца и халцедона. **10.** Стилистическая фигура в стихосложении. **13.** Исполнитель первых ролей в театре. **15.** Вид сельскохозяйственных работ. **17.** Русский советский писатель, автор повести «Ташкент — город хлебный». **19.** Украинский советский поэт. **20.** Роман К. Федина. **21.** Вещество, молекулы которого состоят из большого числа повторяющихся звеньев. **22.** Участок земли для выращивания овощей. **24.** Носовое украшение древних судов. **26.** Ковер ручной работы. **28.** Русский хирург. **29.** Историческая область в Испании. **30.** Лекарственное растение, первоцвет. **32.** Указание недостатков. **33.** Передача мыслей и чувств на расстоянии без посредства органов чувств. **34.** Род оборки.

П о в е р т и к а л и: 2. Сплав железа с углеродом. **3.** Защитный головной убор. **4.** Кукла. **5.** Русский публицист и критик XIX в. **7.** Наука о рельефе суши, дна океанов и морей. **8.** Процесс изготовления защитных образований куколок многих насекомых. **9.** Советский гроссмейстер. **11.** Сорт яблок. **12.** Выборный глава государства. **14.** Птица семейства вьюрковых. **15.** Английская золотая монета. **16.** Роман П. Проскурина. **18.** Музыкальный инструмент. **23.** Гора в Греции. **25.** Сума, мешок. **26.** Летчик, дважды Герой Советского Союза. **27.** Советский писатель. **31.** Опера С. Рахманинова. **32.** Сумчатый медведь.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

9•89 Общественно-политический ежемесячник

МОСКОВСКИЙ ПАРТКЛУБ: информация к размышлению

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ТАЛОН

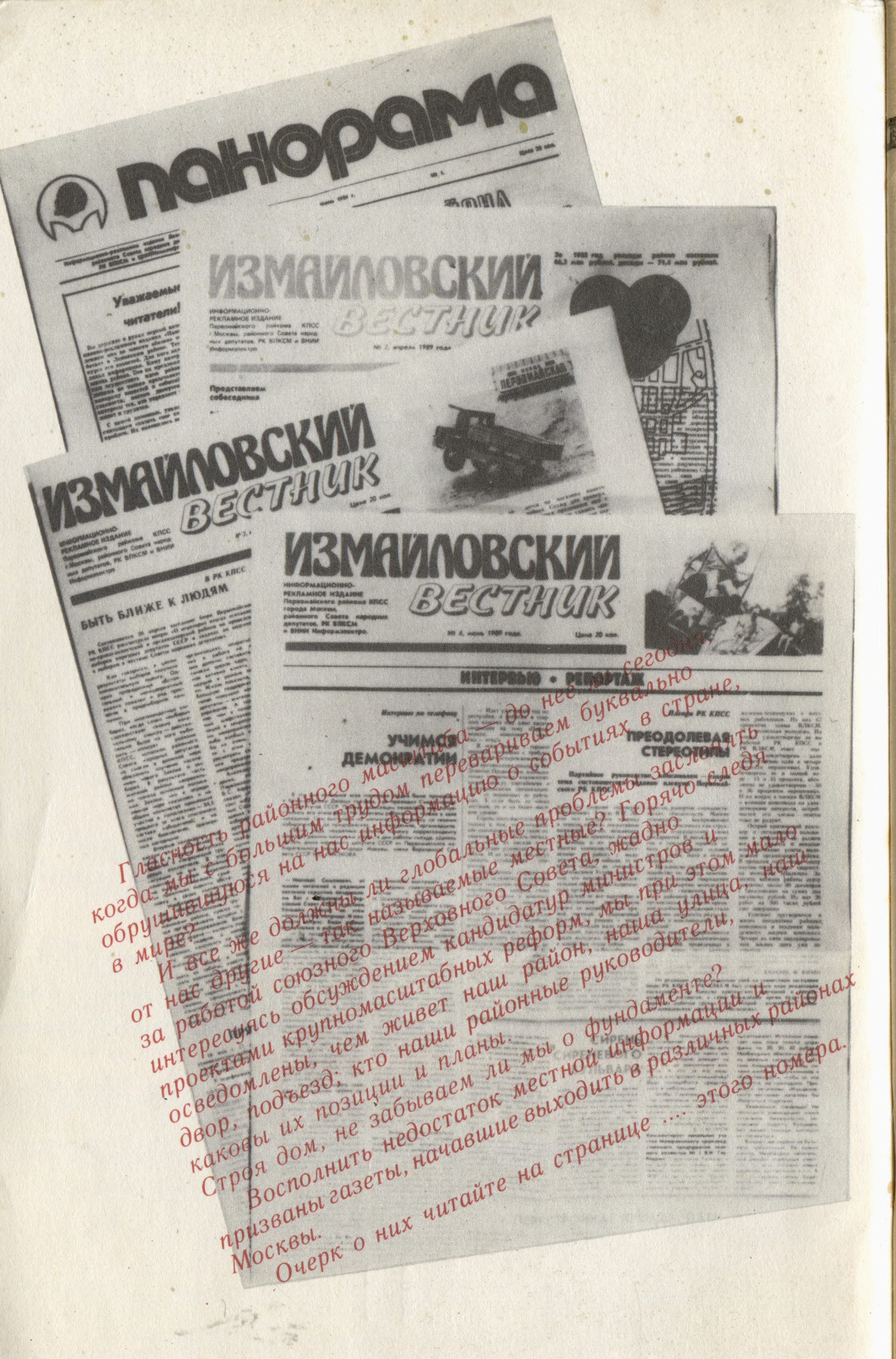
Абрам Терц **СПОКОЙНОЙ НОЧИ**

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОЙ СВАХИ

В КУЛУАРАХ ДВОРЦА ЮСТИЦИИ

Художник Г. КИЗЕВАЛЬТЕР

9 (466) •89 | ГОРИЗОНТ

Общественно-политический ежемесячник

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Е. Ефимов (ответственный редактор),
И. Бестужев-Лада,
А. Гангнус,
В. Пекшев,
А. Рубинов,
К. Столяров,
А. Тагильцев,
А. Ястребов

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Н. Банник,
М. Каро,
Л. Кузнецов
художественный редактор
Ф. Барбышев,
технический редактор
Л. Беседина

СОДЕРЖАНИЕ

Перестройка: дела, проблемы, люди

Экономика и мы

Из редакционной почты

Литература и искусство

Москва и москвичи

Страницы истории

Литература и искусство

На вкладках и 3-й стороне обложки — художник Г. Кизевальтер

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 28.07.89. Подписано к печати 04.09.89. Л 21663. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая» Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,64. Тираж 100 000 экз. Заказ 4960. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г $\frac{0302030800-174}{М172(03)-89}$ Без объявл.

© Издательство «Московский рабочий», «Горизонт», 1989

Незадолго до XIX Всесоюзной партийной конференции, в феврале 88-го, в Москве образовалась Межклубная партгруппа, включившая в себя коммунистов, входивших в неформальные клубы и объединения. Со временем к ним стали присоединяться и члены партии, прямого отношения к неформалам не имеющие. Весной этого года группа разделилась — на Московский партийный клуб и Межклубную партийную организацию.

Разговоров об этих неуставных объединениях коммунистов сегодня много, и не только среди членов партии.

Регулярно собираясь, их члены проводят общественно-политические дискуссии, митинги, готовятся к участию в избирательной кампании по выборам в местные органы власти. Ими разработан ряд программных документов.

Так что же это, оппозиция, начало раскола партии? Вопиющее нарушение Устава и забвение традиций?

Или вполне естественное для эпохи демократизации и гласности явление?

Что это, неудовлетворенные амбиции отдельных коммунистов, желание поиграть в политику?

Или искренняя забота об обновлении партии, укреплении ее роли в изменившемся, разбуженном обществе?

Споров много. И это было бы неплохо — особенно сейчас, когда в Московской городской партийной организации развертывается предсъездовская дискуссия,— если бы было вокруг чего спорить. Информации о предмете спора — самих организациях,— это, при любом к нему отношении, неординарном явлении нашей политической жизни,— пока явно не хватает.

«Горизонт» решил восполнить существующий пробел.

МОСКОВСКИЙ ПАРТИЙНЫЙ КЛУБ

информация к размышлению

Пожалуй, за исключением большого и обстоятельного диалога между первым секретарем Севастопольского РК КПСС А. М. Брячихиным (в здании этого райкома и разместился клуб) и членом совета партклуба В. С. Шаховским (см.: Московская правда. 1989. 27 июля) все иные публикации из-за своей лаконичности или тенденциозности мало что прибавили к ходящей «неконтролируемыми коридорами» информации, более того, только разожгли страсти.

Упомянутый же диалог со всей очевидностью показал, что речь идет отнюдь не о создании в партии параллельной структуры, что такие клубы, по мнению А. М. Брячихина, «новая форма партийной работы» и «подобные формы, хотим мы или нет, будут развиваться».

Отмахиваться от них, окружать их «заговором молчания» — значит повторять ошибки недавнего прошлого.

Клуб этот не возник из ничего, его платформа отражает взгляды и позицию определенной части коммунистов, а обсуждаемые им вопросы — не выдуманы, сегодня они — в числе самых острых и насущных.

Иное дело, каков подход к решению этих вопросов. Часть положений, высказываемых членами клуба (скажем, о необходимости максимальной гласности в работе партийных комитетов всех уровней и др.), бесспорна и поддерживается многими коммунистами; другие предложения (например, о прямых, тайных, альтернативных, по платформам, выборах руководителей партийных комитетов) уже кое-где апробируются. А, скажем, такие предложения, как созыв чрезвычайного съезда партии, встречают возражения. Против него выступило, как известно, и большинство участников июньского пленума МГК КПСС.

Судить, как сложится судьба Московского партийного клуба, в какую сторону пойдет его развитие, рано. От других неформальных объединений пока его выгодно отличает то, что за ним уже есть небольшие, но реальные дела — члены клуба разработали предложения по демократизации партии, разослали их в райкомы, низовые парторганизации.

«Горизонт», верный своей приверженности первичному материалу, идя навстречу просьбам читателей, публикует сегодня ряд документов Московского партийного клуба.

Мы надеемся, что читатели взвешенно подойдут к знакомству с ними — здесь не нужны как предвзятость и огульное отрицание, так и безоглядное «да», фрондерство ради фрондерства.

Мы хотели бы, чтобы те или иные положения, высказанные в этих документах, были соотнесены вами, уважаемые читатели, с раздумьями над положением дел в вашей партийной организации, вашем трудовом коллективе, с вашими представлениями о ходе перестройки в партии, обществе в целом.

Эмоции — штука хорошая, но, известно, до определенных пределов. Здесь тот случай, когда гармония должна поверяться алгеброй.

Нам хотелось бы также, чтобы публикация этих документов, во многом спорных, послужила толчком к продолжению на страницах журнала разговора о проблемах, стоящих сегодня в центре внимания.

Заявление
о создании Московского партийного клуба «Коммунисты за перестройку»

Мы, коммунисты, ставящие перед собой цель самой широкой демократизации нашей партии и считающие, что ее необходимо осуществить в кратчайшие сроки, для чего уже в этом году следует созвать внеочередной съезд партии, объявляем о создании Московского партклуба.

Только демократизация способна вновь превратить КПСС из партии аппаратных решений, стоящей над народом, в политическую организацию, действительно служащую интересам народа, в которой все важнейшие политические решения принимаются только в результате самых широких дискуссий и аппарат подчиняется низовым организациям и их представителям, выбранным альтернативно и по платформам.

Нам ясно, что добиться демократизации партии можно, только преодолев упорное сопротивление консервативной части аппарата. И это надо сделать, чтобы мы могли уважать себя, чтобы нас и нашу партию уважали наши сограждане.

Предложения

Московского партийного клуба «Коммунисты за перестройку» к июньскому (1989 г.) пленуму МГК КПСС

Кризис, в котором оказалось наше общество, может быть разрешен только двумя путями: либо хаос, заканчивающийся введением репрессивной диктатуры, либо радикальная демократизация общества, инициатором которой должна стать партия. Приемлемым является лишь второй путь. Но партия застыла в своем развитии и все больше отстает в вопросах демократизации от общества, которым продолжает руководить зачастую старыми, отжившими административно-командными методами.

Первым этапным шагом в направлении демократизации партии должен стать внеочередной, XXVIII съезд КПСС. В качестве первоочередных мероприятий по демократизации партии, подлежащих реализации в ходе подготовки съезда, предлагаем:

— прямые, тайные, альтернативные, по платформам, выборы секретарей первичных партийных организаций, райкомов, горкомов, членов партийных органов, делегатов партийных съездов и конференций;

— строгое соблюдение резолюции X съезда РКП(б) «О партийном строительстве», т. е. возврат к свободе платформ и группировок в партии и издание дискуссионного партийного бюллетеня;

— создание горизонтальных структур в партии (партийные клубы и другие объединения коммунистов по интересам, взглядам, платформам и т. п.);

— вывод органов партийного контроля из подчинения исполнительных органов партии и подотчетность их только съезду или конференции;

— избрание на съездах (конференциях) главных редакторов партийных органов печати и подчинение их съездам (конференциям);

— участие в работе съездов (конференций) членов отчитывающихся партийных комитетов без выборов;

— поэтапная ликвидация спецпривилегий и номенклатурных льгот для выборных функционеров и партаппарата с освещением этого процесса в прессе;

— полная гласность в финансовых делах партии, рассмотрение и утверждение бюджета партии на съездах (конференциях);

— изъятие из всех анкет и документов (кроме партийных) сведений о партийности;

— максимальная гласность в работе партийных комитетов всех уровней (в том числе РК и МГК) с указанием работ, выполняемых персонально каждым членом комитета;

— информирование коммунистов о позиции членов комитетов по конкретным политическим вопросам;

— проведение регулярных дискуссий, ответов на вопросы, круглых столов на московском телевидении секретарей РК и МГК;

— публикация в партийной печати стенографических отчетов с пленумов РК и МГК и подробной информации о работе бюро РК и МГК;

— регулярное проведение партийных референдумов и социологических опросов по актуальным вопросам жизни партии и страны с публикацией их результатов. В качестве первых тем для опросов предлагается:

— отношение московских коммунистов к предложению о созыве внеочередного съезда партии;

— оценка коммунистами деятельности секретарей РК и МГК;

— регулярная публикация в прессе результатов социологической обработки обращений коммунистов и беспартийных в РК и МГК.

Важнейшим шагом демократизации внутрипартийной жизни и активизации коммунистов должно стать проведение широкой дискуссии в партийных организациях, в партийной прессе и на телевидении по вопросам, связанным с подготовкой и проведением внеочередного съезда партии.

Учитывая, что Московская партийная организация является не только самой многочисленной, но и одной из самых политически зрелых в стране, предлагаем Московскому горкому партии возглавить движение за радикальное обновление и демократизацию партии. В этой работе МГК КПСС может полностью рассчитывать на активную поддержку и участие членов Московского партийного клуба.

К коммунистам в первичных партийных организациях, райкомах, МГК КПСС

Обращение

Московского партклуба «Коммунисты за перестройку»

Товарищи! Наше общество находится в состоянии глубокого кризиса. Сегодня эта истина очевидна не только пророкам, экстремистам и советологам, ее признает практически весь народ. Надежды, возникшие в ходе выборов, Съезд народных депутатов не оправдал. В ситуации, когда нужен мощный рывок, сделано лишь четверть шага вперед. Стоит ли рассчитывать на то, что новый Верховный Совет быстро распутает клубок накопившихся проблем! Скорее наоборот — завязывание новых узлов будет происходить быстрее, чем рассечение старых.

Сутью политической системы была и остается партия, которая согласно Конституции является руководящей и направляющей силой общества. Поэтому именно партия несет полную ответственность за все происходящее, и без радикальных изменений в КПСС дело не двинется. Однако на пятом году перестройки отставание партии от общества в деле демократизации углубляет кризис в первой и опасно тормозит изменения во втором. Выход из партийных рядов в 1988 году 300 тысяч человек делает сложившееся положение далее нетерпимым.

Да, партия тяжело больна, и наша общая задача — незамедлительно начать ее лечение. Сделать это совершенно необходимо, ведь политическое значение КПСС бесценно, на сегодняшний день она является единственной «несущей конструкцией», единственным социальным интегратором. Развал гражданской власти неминуемо ведет к военному положению!

Исходя из сказанного, коммунисты Московского партклуба вновь, как и два месяца назад, действуя в рамках существующих норм и

Устава, выступают с предложением о созыве внеочередного XXVIII съезда КПСС. Ускоряющееся политическое время делает нелепым пятилетний межсъездовский интервал эпохи застоя, высший орган партии следует собрать до конца нынешнего года, пока недоверие к КПСС не выросло до масштаба, при котором предлагаемая мера станет недейственной.

В повестку дня съезда предлагаем включить следующие вопросы:

1. Причина кризиса в партии и обществе и пути выхода из него.

2. О передаче власти Советам и новом месте КПСС в меняющейся политической системе.

3. О демократизации внутрипартийной жизни и новом Уставе КПСС.

4. Выборы новых руководящих органов партии.

Предложение о внеочередном съезде мы жестко увязываем с демократизацией процедуры выбора делегатов. Назначение делегатов по старой модели, по действующей авторитарной инструкции о выборах может привести к острым социальным потрясениям, к разрушению КПСС.

Предлагаем провести выборы:

а) при свободном самовыдвижении кандидатов;

б) только из альтернативных кандидатов;

в) по платформам (что предлагает начать общепартийную дискуссию);

г) прямым, тайным голосованием.

Проведению съезда должно предшествовать проведение внеочередной Московской городской партийной конференции, выборы на которую следует проводить по съездовской модели. Повестка дня конференции — о внеочередном съезде и, возможно, другие вопросы.

Товарищи! Сегодня резолюции о внеочередном съезде приняли многие первичные партийные организации МГУ, МАИ, МФТИ, партийные организации в Ленинграде, Свердловске и других регионах, с предложением о внеочередном съезде выступил член ЦК КПСС Б. Н. Ельцин.

Товарищи! В этот кризисный момент необходимо осознать, что ответственность за будущее страны и партии несет не только руководство, но и каждый из нас! Просим обсудить на своих партсобраниях наше обращение и принять резолюцию о внеочередном съезде, об отмене инструкции о выборах и демократизации процедуры избрания делегатов съезда.

Просим информировать нас о ваших решениях и предложениях.

7 июня 1989 года

Заявление
Московского партийного клуба «Коммунисты за перестройку»

Товарищи! Завершил работу очередной пленум МГК КПСС (21.06.89), обсуждавший вопрос «О работе Московской городской партийной организации в современных условиях». Пленум, прямо скажем, необычный, ибо на нем впервые за последние десятилетия четко обозначились принципиальные позиции по отношению к партии, ее месту и роли в обществе, характеру демократических преобразований КПСС.

Первая позиция, выраженная в выступлениях секретаря МГК Андреяновой, секретарей РК КПСС Брячихина, Пантелеева, Афанасьева, ректоров МВТУ и ВПШ Елисеева и Шостаковского и особенно секретарей парткомов МГУ и Института атомной энергетики им. Курчатова Мельникова и Антипова, отражала понимание кризисной ситуации, сложившейся в партии, невозможность сохранять в неизменном виде господствующее положение партии, а точнее, партаппарата в обществе, стремление к радикальной демократической перестройке КПСС.

Мы поддерживаем конструктивные элементы в выступлении первого секретаря Севастопольского РК КПСС Брячихина А. М. в части уважительного отношения к неформальным политизированным организациям и диалога с ними, а также по переориентации партийной работы на равноправное политическое сотрудничество с новыми общественными силами. Следует, однако, отметить, что последнее предложение было высказано как альтернативный вариант принятому XIX партконференцией решению об усилении партийного влияния в Советах путем совмещения должностей первого секретаря и председателя Совета. Мы считаем, что вариант совмещения противоречит создавшейся внутрипартийной обстановке и вызовет нездоровый антипартийный акцент в проведении избирательной кампании в местные и республиканские Советы.

Вторая позиция, которую отстаивали на пленуме член Политбюро Медведев, первый секретарь Зайков, секретарь Фрунзенского райкома Кубняков, директора Клюев и Самсонов, руководители Моссовета, писатель Кузнецов и др., выражала консервативные настроения, стремление сохранить власть в своих руках, ничего по сути, не меняя в партии. Отстаивающие эту позицию на пленуме предлагали:

«Перейти от попустительства и компромиссов к исполнению ранее принятых решений и законов... для борьбы с так называемым активно-агрессивным меньшинством», т. е. демократическим меньшинством Съезда народных депутатов (Клюев В. В., директор НПО «Спектр»);

«прекрасно... владеть орудием своего противника», под «противником» понимались Московский народный фронт и другие неформальные объединения Москвы (Самсонов А. С., директор 1-го часового завода);

«это очень удобная позиция — быть членом партии и одновременно находиться в этих организациях. Такие люди используют нашу трибуну, они используют наш авторитет (!!) для того, чтобы протаскивать свои идеи и свои мысли» (Шанцев В. П., первый секретарь Перовского РК КПСС);

«появились... листовки — это заявление о создании Московского партийного клуба... часть этой листовки совершенно правильная, но конец листовки не соответствует тому, к чему мы (кто это — «мы»!) призываем» (Игнатьев А. С., секретарь парткома завода им. Владимира Ильича);

«неформальные организации уже открыто заявляют, что они хотят прийти к власти на местах» (Грачева Л. И., штукатур);

Наиболее откровенно высказал эту позицию писатель Ф. Ф. Кузнецов, который прямо заявил: что бы в стране ни происходило — мы власти не отдадим.

Мы выражаем несогласие с некоторыми моментами в выступлении члена Политбюро В. А. Медведева. Это касается положений о невозможности проведения чрезвычайного съезда КПСС в критический момент для государства, тогда как именно в эти моменты и должен собираться чрезвычайный съезд, и о «влиянии на принципиальные решения Советов через членов партии», что практически являет-

ся требованием к депутатам-коммунистам голосовать в Советах за решения ЦК.

Выступления большинства участников пленума по своей растерянности от взрыва политической активности народных масс в ходе прошедших выборов, по своей тоске о железной дисциплине, сильной власти весьма напоминают печально знаменитые речи участников апрельского (1989 г.) Пленума ЦК КПСС, с той лишь разницей, что если на Пленуме ЦК консерваторам дал отпор один только М. С. Горбачев, то на московском пленуме радикалов было значительно больше.

Несмотря на последнее обстоятельство, пленум МГК завершился победой консервативных сил, доминирующих в горкоме. Ни одно из радикальных демократических предложений не было принято:

— ни предложение выступить Московской партийной организации с инициативой о созыве внеочередного съезда КПСС;

— ни предложение о созыве в сентябре 1989 г. внеочередной Московской городской партконференции;

— ни предложение об открытии общепартийной дискуссии;

— ни целый ряд серьезных конкретных предложений по коренной демократизации партии.

Единственная «уступка», которая была сделана консервативным большинством и аппаратом МГК — это проведение московской партийной дискуссии. Но ни платформы для такой дискуссии, ни механизм ее проведения (партклубы, дискуссионный листок, возможность высказывания разных точек зрения в прессе и на телевидении) не созданы, не названы также сроки проведения дискуссии. Принятые предложения о завершении создания системы изучения общественного мнения, превращении Дома политпросвещения в общественно-политический центр, создании пресс-центра при МГК КПСС являются слабыми паллиативными мерами, а начинаемый «эксперимент» по двойному учету коммунистов (по месту работы и по месту жительства) является попыткой установления двойного контроля над членами партии, а заодно и нарождающимися органами общественного самоуправления и тем самым попыткой выиграть весенние выборы.

Партийный клуб призывает все партийные организации Москвы принять активное участие в городской дискуссии с требованием освещения ее в партийной прессе и по телевидению.

Прошедший пленум МГК еще раз подтвердил необходимость внеочередного съезда КПСС и внеочередной Московской партконференции.

28 июня 1989 года

К товарищам в первичных партийных организациях

Предложения Московского партийного клуба «Коммунисты за перестройку»

Прошедший 21 июня пленум МГК КПСС принял решение о проведении предсъездовской дискуссии. Московский партклуб, выступающий за радикальную демократическую реформу партии, за внеочередные съезд и городскую конференцию, полностью поддерживает предложение об организации дискуссии. Сегодня в рамках КПСС высказываются самые разные политические оценки и суждения. Мы считаем, что цель дискуссии — выявить и организационно оформить существующие политические платформы, что может активизировать деятельность коммунистов и даже привести к некоторому увеличению авторитета партии в обществе.

Предлагаем до конца года провести партийные собрания, на которых обсудить следующие вопросы:

1. Считаете ли вы, что КПСС нуждается в радикальной демократической реформе!

2. Противоречит ли положение о КПСС как руководящей и направляющей силе нашего общества (ст. 6 Конституции СССР) фундаментальному политическому принципу нашего государства — вся власть принадлежит Советам!

3. Считаете ли вы целесообразным совмещение постов партийного секретаря и председателя Совета!

4. Поддерживаете ли вы предложение об отмене резолюции X съезда РКП(б) (март 1921 г.) «О единстве партии», запретившей существование в партии фракций и группировок!

5. Выступаете ли вы за переход к многопартийной системе!

6. Поддерживаете ли вы утвердившуюся в КПСС форму демократического централизма!

7. Считаете ли вы целесообразным проведение внеочередных городской конференции и съезда КПСС! (Возможная повестка дня съезда: причины кризиса в партии и обществе и пути выхода из него; о передаче власти Советам и новом месте КПСС в меняющейся политической системе; о демократизации внутрипартийной жизни и новом Уставе КПСС; выборы новых руководящих органов партии.)

8. Считаете ли вы, что действующая инструкция о выборах в партии неприемлема, а выборы делегатов съездов и конференций должны проходить демократически! (Например, так: при свободном самовыдвижении кандидатов, по платформам, прямым и тайным голосованием.)

9. Считаете ли вы, что «Московская правда» должна быть печатным органом коммунистов города!

Будем благодарны за отклики и предложения, которые можно направлять по адресу: 113209, Москва, Севастопольский просп., 28, корп. 4, Севастопольский РК КПСС, комн. 101, Московский партийный клуб «Коммунисты за перестройку», совет клуба.

С позицией Московского партклуба по этим и другим вопросам можно ознакомиться на наших заседаниях, которые являются открытыми и проходят по средам с 18.00 в 101-й аудитории Севастопольского РК КПСС.

24 июня 1989 года

В следующем номере «Горизонт» познакомит читателей с документами Межклубной партийной организации.

Андрей Цимайло

КОНВЕРТИРУЕМОСТЬ РУБЛЯ — РЕЗУЛЬТАТ, А НЕ СРЕДСТВО

Шесть десятилетий о проблеме конвертируемости советского рубля не было речи даже на страницах сугубо научных изданий. Безраздельно господствовали представления о безусловных преимуществах статуса замкнутой валюты, надежно защищающего планомерное развитие социалистической экономики от пагубного воздействия многочисленных кризисов, поражающих мир капитализма. Подобные взгляды как нельзя лучше гармонировали с принципами административно-командных методов управления экономикой, среди крупнейших «достижений» которых находится и максимальное свертывание товарно-денежных отношений.

Однако, приступая к крупномасштабной экономической реформе, оставлять без внимания проблемы обратимости рубля уже нельзя. И внимание есть. Достаточно вспомнить Постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 года о дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности, где обеспечение конвертируемости рубля выдвигается в качестве стратегической задачи и намечаются способы ее решения.

Если решительность и последовательность государственного руководства в постановке вопросов конвертируемости рубля вызывают оптимизм, то состояние научной разработанности этой проблемы не только не дает для него оснований, но и вызывает опасения, что потребность в практических мерах будет опережать их всестороннее научное обоснование.

Во-первых, несмотря на всю важность и крайне слабую изученность проблем конвертируемости социалистической валюты, серьезные экономические издания практически не уделяют им внимания. Исключением является «Экономическая газета», на страницах которой и началась дискуссия об обратимости рубля. Зато очень охотно прежде закрытая тема выносится на полосы литературно-художественных и публицистических изданий. Во-вторых, хотя подавляющее число экономистов и солидарны в необходимости перехода к конвертируемости, разговор о ней обычно ограничивается лишь констатацией связанных с этим преимуществ. Практически отсутствует, по крайней мере в публичном обсуждении, сколько-нибудь развернутая концепция перехода к обратимости рубля. И наконец, обсуждение вопроса ведется главным образом с точки зрения совершенствования системы внешнеэкономической деятельности СССР — вне связи с экономической реформой в целом.

Что же такое конвертируемость, или обратимость, валюты? В обыденном сознании, а также в представлениях многих экономистов утвердилось весьма упрощенное понимание обратимости как неограниченной свободы обмена любого количества рублей на любую иностранную валюту. Между тем полная конвертируемость без валютных ограничений в современном мире встречается крайне редко. Свободно обратимых валют — единицы.

Конвертируемость многих из них, считающихся обратимыми, при более внимательном рассмотрении оказывается ограниченной целым рядом условий. Ограничителем может быть национальная принадлежность того, кто ее хочет поменять (то есть зависит от того, является ли он юридическим или физическим лицом данной страны или не является [1]). Ограничения могут распространяться и на обмен валюты определенными категориями резидентов и нерезидентов, например банками, нефинансовым сектором, государственными органами. В целом ряде стран существуют ограничения на обмен валюты в зависимости от вида операций, для расчетов по которым требуется конверсия национальных денег в иностранные. При этом возможно не только общее деление на экспортные, импортные операции, оплату услуг, перевод прибылей и т. п., но и более мелкое деление — по видам продукции или услуг. Наконец, часто ограничивается сумма наличных денег, которые любой гражданин той или иной страны может обменять или вывезти с собой за рубеж. Так, граждане Финляндии при турпоездках за границу имеют право обменять не более 10 тысяч финских марок (около 1500 рублей); португальцы могут использовать для турпоездок в целом за год 100 тысяч эскудо (около 400 рублей) плюс 5 тысяч эскудо (примерно 20 рублей) дополнительно за каждую поездку. В рамках Европейского сообщества, валюты стран-участниц которого получили статус обратимых еще в 1958 году, намечено добиться отмены все еще остающихся ограничений лишь к началу 1993 года.

Следует различать обратимость рубля в свободно конвертируемые, в частично конвертируемые и в замкнутые валюты. В последнем случае деление может быть и более узким. Особую важность для рубля будет иметь его конвертируемость в валюты социалистических стран и в переводный рубль.

Нельзя также упускать из виду, что валюта может конвертироваться, то есть свободно покупаться и продаваться на иностранные валюты, как внутри страны, так и на зарубежных рынках. Кстати, в интересной статье «Быть ли у нас валютному рынку?», опубликованной в 26-м номере «Экономической газеты» за прошлый год, речь шла, по сути дела, о частичной конвертируемости рубля только для резидентов СССР, причем лишь для юридических лиц, а именовался такой вид конвертируемости не совсем правомерно «внутренней обратимостью».

Здесь следует сделать замечание. Именно на этом перекрестке особенно ярко проявляется соотношение важнейших характеристик денег как всеобщего эквивалента. Известно, что первая из них заключается в способности любой национальной денежной единицы свободно обмениваться на любые товары и услуги на внутреннем рынке, другими словами, во внутренней конвертируемости, или внутренней обратимости. Другая — в способности быть обратимой в другие валюты, или во внешней конвертируемости. При всей важности обсуждения различных сторон внешней конвертируемости рубля и обоснования последовательного перехода от необратимого к обратимому рублю это вопрос соотношения его внутренней и внешней конвертируемости.

Насколько взаимосвязаны внутренняя и внешняя конвертируемость? Возможна ли одна без другой? Какая из них более важна для экономической жизни страны вообще и на нынешнем этапе экономической ре-

---

А. В. ЦИМАЙЛО — кандидат экономических наук, заведующий сектором Института Европы АН СССР.

В более полном виде статья публикуется во втором выпуске сборника «Практика перестройки хозяйственного механизма» под редакцией академика А. Аганбегяна (издательство «Московский рабочий»).

[1] Далее применяются специальные термины — «резидент» или «нерезидент».

формы в частности? Какой из них следует добиваться в первую очередь?

Общий ответ на эти вопросы сразу же следует из того простого наблюдения, что все свободно конвертируемые валюты (именуемые иногда «твердыми») неограниченно обмениваются на товары и услуги внутри страны, то есть обладают неограниченной внутренней конвертируемостью. Именно выполнение ведущими западными валютами в полном объеме всех функций денег, и прежде всего функции всеобщего покупательного и платежного средства, объясняет стремление стран с неконвертируемой валютой получить как можно больше «твердой» валюты. Вряд ли рубль можно было бы назвать менее «ущербным» (выражение Н. Я. Петракова. См.: Огонек. 1988. № 34), чем сейчас, если бы он обменивался на любое количество валют, не обладающих внутренней конвертируемостью.

Поскольку внешне этот аспект наиболее очевиден, неконвертируемость рубля (оговоримся, что здесь и далее термин «конвертируемость», используемый без эпитета, означает внешнюю конвертируемость) однозначно ассоциируется с хроническим и острым дефицитом «твердой» валюты. Последствия этого дефицита хорошо известны: ограниченные возможности закупок за рубежом качественных потребительских и инвестиционных товаров; необходимость продажи на «твердую» валюту всего, что «берут», в том числе всего лучшего, что у нас есть (а есть немного, и себе практически не остается); ущемленность безденежьем советских людей за рубежом да и в нашей стране (вспомним хотя бы «Березки» и инвалютные бары), и многое другое.

Важнейшей причиной инвалютного дефицита считается неконвертируемость рубля. Другая причина — недостаточность товаров и услуг, которые могут быть реализованы за «твердую» валюту. Но все же эти причины не главные и к тому же в значительной мере производные от главной. Основная же причина — внутренняя неконвертируемость рубля, отсутствие сколько-нибудь достаточного его товарного обеспечения внутри страны, что и вынуждает увеличивать эту обеспеченность закупками за рубежом. Очевидно, что достичь должной степени «отоваривания» рубля можно лишь внутри страны.

Но внутренняя конвертируемость рубля в нашем полунатуральном хозяйстве пока столь же мала, сколь и внешняя. Причем степень ее различна для рублей, находящихся в карманах потребителей, и для рублей на счетах предприятий и организаций.

Скажем, в сфере розничной торговли рубли могут более или менее свободно конвертироваться в товары и услуги, вопрос «лишь» в предложении и ценах. Общеизвестно, что в розничной торговле сложно приобрести многие изделия повседневного спроса. Список дефицитных товаров не уменьшается, а растет. По данным Всесоюзного НИИ конъюнктуры и спроса, из 211 групп продовольственных товаров, за которыми ведется наблюдение, без затруднений приобретается только 23 (см.: Литературная газета. 1989. 25 января). Добавим к этому громадный список товаров, реализация которых в сфере розничной торговли вообще запрещена. Сюда входит большая часть продукции, относимая к средствам производства. Лишь в последнее время развертывание системы кооперативного и индивидуального труда в незначительном объеме сокращает этот список.

Дефицитность предложения в розничной торговле неизбежно ведет к вытеснению нормальной торговли распределением, значительно усилившимся в последнее время. Речь идет о продаже товаров и оказании услуг конкретно работникам того или иного предприятия или организации, определенным категориям населения. Конечно, это является социальным благом (и немалым в нынешних условиях) для членов конкретного трудового коллектива или группы населения, но, по существу, отражает дальнейшее свертывание внутренней обратимости рубля и значительно ускоряет этот процесс.

Итак, внутренняя конвертируемость «потребительских денег» даже при незначительных формальных ограничениях крайне незначительна.

Гораздо хуже обстоят дела с деньгами предприятий. Внутренняя конвертируемость десятков миллиардов рублей, хранящихся на их счетах, в основном отсутствует. Причем ограничение это — системное, обусловленное законодательной заменой нормальных товарно-денежных отношений «карточным» распределением. В результате деньги предприятий, с одной стороны, необратимы в товары и услуги непосредственно, поскольку для их приобретения требуется разрешение (фонды), а с другой — практически оторваны от денег населения, имеющих хотя бы формально свободную внутреннюю обратимость.

Каковы же последствия перехода к внешней конвертируемости рубля при нынешнем характере его практической внутренней необратимости?

Этот вопрос стоит особенно остро в связи с неоднократно встречающимися на страницах печати призывами немедленно или достаточно быстро ввести внешнюю конвертируемость рубля, что, мол, и позволит решить многие внутренние проблемы, в том числе проблему оторванности внутренней системы цен от мировой как по уровню отдельных цен, так и по их соотношениям, проблему неэффективности работы предприятий и т. д.

Но дело даже не в том, что введение конвертируемости рубля поставит предприятия в условия жесткой конкуренции, которую не многие из них смогут выдержать. Это лишь одна сторона вопроса. Другая заключается в том, что введение внешней обратимости рубля при громадном предложении внутренне неконвертируемых рублей и крайне низком спросе на них за рубежом из-за их внутренней неконвертируемости приведет к стремительному и весьма значительному обесценению рубля на внешних рынках со всеми вытекающими отсюда последствиями для внутренней экономики. Известен способ обучения плаванию неумеющих — бросить в воду в глубоком месте. Инстинкт самосохранения заставит научиться плавать. Но в нашем случае предлагают бросить не умеющую плавать в рыночных водах экономику с гирями на ногах. С гирями не осуществленных пока реформ ценообразования, торговли, денежно-кредитной системы, финансов и др. О возможном итоге, думается, догадаться несложно.

Разумеется, было бы неправильно отрицать важность стимулирующего воздействия конкуренции извне на деятельность советских предприятий, внешнеторговые потоки и формирование внутренних цен. Однако и то и другое возможно лишь на определенном, пока не достигнутом нами уровне развития внутреннего рынка. Нынешние подходы к обратимости рубля, и прежде всего в «твердые» валюты, есть не более чем просто заявка на готовность советского внутреннего рынка к интеграции в мировое хозяйство. Реальная же свобода или полнота внешней конвертируемости в целом могут определяться степенью внутренней обратимости рубля.

Иногда в пользу быстрого перехода к конвертируемому рублю выдвигается пример червонца 20-х годов, котировавшегося на международных валютных биржах «выше фунта и доллара». Но...

Во-первых, введение червонца как во внутреннее обращение, так и в международный оборот было частью и важнейшим результатом денежной реформы 1922—1924 годов. Червонцы постепенно вытеснили обесценивавшиеся с огромной скоростью совзнаки. Как правило, авторы, апеллирующие к опыту с червонцем, о денежной реформе — этом важнейшем факторе — не упоминают.

Во-вторых, в те годы существовал золотодевизный стандарт, в рамках которого валюты всех стран были привязаны к золоту и обменивались на него. Золотоинвалютное обеспечение червонца, гарантии его свободной конверсии в иностранные валюты и в золото как на внутреннем, так и на внешних валютных рынках позволяли поддерживать устойчивый курс червонца при крайне незначительных золотовалютных резервах страны, которых все же с лихвой хватало на интервенционные вмешательства в поддержку червонца. Проиллюстрирую указанную устойчивость червонца по отношению к золоту и иностранным валютам свидетельством специалиста тех лет профессора Д. Лоевицкого: «Начиная с марта месяца (1924 года.— *А. Ц.*)... мы замечаем крутой перелом в сторону снижения курса инвалюты и золота, причем курс доллара на Московской фондовой бирже уже в апреле доходит до паритета... а курс золотой монеты удерживается немного выше паритета. Если взять данные по провинциальным городам, то мы увидим в некоторые моменты падение курса золотой монеты ниже всяких разумных пределов. В отдельные моменты и в отдельных пунктах золотая десятка стоила не более 8 рублей, т. е. на 15—20 процентов меньше стоимости золота, содержащегося в ней» (*Лоевицкий Д. А.* Валютная политика СССР. М.: Финансовое изд-во НКФ СССР, 1926. С. 47).

Не менее примечателен тот факт, что курс инвалюты, прежде всего доллара, во внебиржевом обороте, или так называемый «вольный курс», был начиная с апреля 1924 года ниже официального курса Московской фондовой биржи. Причин, объясняющих описанное выше положение, несколько. Одна из них, и видимо основная, уже указана. Другая заключалась в том, что червонец стал надежным средством накопления и расчетов в силу своего обеспечения и устойчивости курса. В результате в этом качестве он оказался предпочтительнее и золота и инвалюты, которые не имели легального хождения.

И наконец, третья причина. Эмиссия червонцев была крайне ограниченной. В стране существовал жесткий контроль над массой червонцев в обращении. Их более или менее хватало для нормального функционирования товарно-денежных отношений — в значительной степени потому, что при разрушенном хозяйстве процесс накопления только начинался. После денежной реформы 1922—1924 годов в червоничном исчислении были восстановлены уровень и пропорции довоенных цен, которые, как известно, функционировали в условиях полновесных золотых денег.

В-четвертых, в стране существовала 100-процентная монополия внешней торговли, значительно облегчавшая Госбанку контроль над международными платежами в стране и поддержание необходимого количества червонцев в обращении.

И наконец, в-пятых, в ходе денежной реформы в СССР был создан достаточно эффективный внутренний валютный рынок, включавший как биржевую, так и внебиржевую торговлю валютой и золотом.

Как нетрудно заметить, три из выделенных шести характеристик ушли в прошлое. Золото перестало в какой-либо форме принимать участие в денежном обращении как внутреннем, так и международном. Соответственно ни о каких ценовых пропорциях, свойственных экономике с полновесными золотыми деньгами, не может быть и речи.

Далее. С 1 апреля 1989 года право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций имеют все предприятия, объединения, производственные кооперативы и иные организации, продукция (работы, услуги) которых обладает конкурентоспособностью на внешнем рынке. Стало быть, речь уже не идет о монополии государства на

внешнеторговую деятельность. Более того, государственные органы пока лишены возможности даже достаточно точно учитывать совершаемые внешнеторговые операции, не говоря уже о всей системе мер оперативного и стратегического регулирования этих операций. Так, в п. 6 известного постановления Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 года предусмотрено разработать и обеспечить поэтапное введение в действие с 1 января 1989 года системы мер по оперативному нетарифному регулированию внешнеэкономических связей СССР, а также ускорить разработку таможенной статистики, имея в виду обеспечить ее введение до 1990 года.

Три другие характеристики — денежная реформа, резкое ограничение эмиссии и создание валютного рынка внутри страны — пока не стоят в повестке дня.

Разумеется, приведенные характеристики не исчерпывают всех отличий сегодняшних условий хозяйствования от ситуации 20-х годов. Но, представляется, их вполне достаточно для того, чтобы увидеть: «исторический аргумент» в пользу немедленной обратимости рубля, увы, несостоятелен.

Все вышеизложенное, представляющее, по существу, попытку доказать, что немедленный или довольно быстрый переход к конвертируемому рублю невозможен, конечно же не означает, что мы можем отложить «на потом» решение проблемы.

Напротив, движение к ней должно начаться незамедлительно. Весь вопрос в том, каким образом и при каких условиях.

Прежде чем изложить свои соображения по данному кругу вопросов, попытаюсь обобщить уже высказанные предложения и оценить их.

Одно из наиболее распространенных предложений, рассматривающееся как первый и наиболее решительный шаг к введению обратимости рубля, заключается в создании в СССР внутреннего валютного рынка. Предложение, вне всяких сомнений, актуальное. Но понимается оно, как правило, очень узко. Если в одной из первых публикаций, посвященных проблеме создания внутреннего валютного рынка в стране, говорилось о нескольких формах организации валютного рынка и о валютных аукционах как начальной из них, то в постановлении Совета Министров от 2 декабря 1988 года, по существу, оговаривается введение лишь аукциона. Возможность покупки инвалюты на валютных аукционах лишь с очень большой натяжкой можно было бы назвать обратимостью рубля, пусть даже сверхограниченной. По существу, речь идет не о конвертируемости, как таковой, а о совершенствовании распределения и перераспределения инвалютных ресурсов. Очень велика вероятность того, что эта прекрасная идея не сможет реализоваться в полной мере ввиду ограниченности предложения инвалюты на аукционах.

Других предложений по созданию внутреннего валютного рынка, за исключением лишь упоминания его возможных форм, мне не известно.

Обратимся вновь к опыту денежной реформы 20-х годов. Основные контуры внутреннего валютного рынка были намечены еще в 1922 году, и буквально тремя законодательными актами такой рынок был конституирован. Речь идет о постановлении СНК от 20 октября 1922 года о фондовых биржевых операциях, постановлениях ВЦИК и СНК от 15 февраля 1923 года о валютных операциях и от 19 апреля 1923 года о порядке вывоза и перевода за границу валютных ценностей.

Рассмотрим несколько подробнее основные черты валютного рынка, созданного в стране в результате введения указанных актов. (Излагается по цит. соч. Д. А. Лоевицкого.)

Постановлением от 20 октября 1922 года Совету Труда и Обороны разрешалось образовывать фондовые биржи и фондовые отделы при товарных биржах, в том числе для торговли иностранной валютой и благородными металлами в слитках. Членами же упомянутых организаций могли быть: кредитные учреждения; всероссийские кооперативные союзы, а также областные, губернские и районные отделения, входящие в состав всероссийского союза или объединения, к ним приравненные; государственные органы, которым по закону предоставлено право производства биржевых операций; частные торговые и промышленные предприятия, для которых установлен особый ценз (уплата промыслового налога определенных разрядов). Порядок вступления в члены биржи передавал всю компетенцию по приему управляющим органам самой биржи, а для госорганов в конечном итоге — Особому валютному совещанию, образованному постановлением СНК от 6 февраля 1923 года.

Постановление от 15 февраля 1923 года, получившее расхожее название «хартия валютных ценностей», ограничивалось регулированием операций государственных и кооперативных органов. «Что же касается частных лиц,— отмечает профессор Лоевицкий,— то они фактически были ограничены только территорией, так как закон от 15 февраля допускает совершение сделок с инвалютой независимо от субъекта сделок только на фондовой бирже или в кредитных учреждениях, имеющих право на производство валютных операций. В пределах же указанной территории частные лица могли свободно покупать и продавать иностранную валюту без ограничений. Правда, вступление в члены фондовой биржи обусловлено определенным цензом и согласием совета фондовой биржи, но существует институт постоянных и разовых посетителей фондовой биржи, дающий возможность почти всякому частному лицу покупать и продавать инвалюту через маклера. Что же касается кредитных учреждений, то покупка частными лицами валюты у них, равно как и продажа валюты этими лицами кредитным учреждениям, ничем не ограничена».

Был предусмотрен также ряд мер, направленных на сосредоточение валютных ресурсов у Госбанка, на который возлагалась задача проведения валютной политики.

Закон о вывозе валютных ценностей за границу, состоящий из двух постановлений от 4 апреля 1923 года, регламентировал порядок вывоза из страны иностранной валюты и золота.

Приведенный здесь материал о валютном рынке начала 20-х годов призван не столько служить моделью будущего валютного рынка внутри СССР, сколько иллюстрацией решительности, проявленной на первом этапе реформы 1922—1924 годов и заложившей прочную основу для того, чтобы спустя некоторое время червонец конвертировался «выше доллара и фунта».

Следующее важнейшее предложение, направленное на решение проблем перехода к обратимости рубля, связано с большим комплексом вопросов установления «обоснованного» его курса.

Все экономисты, касавшиеся этих вопросов, солидарны, по крайней мере, в том, что, во-первых, существующая система дифференцированных валютных коэффициентов (ДВК), в результате введения которой количество валютных курсов рубля измеряется даже не сотнями, а тысячами, неэффективна и требует замены единым курсом и, во-вторых, уровень официального валютного курса рубля не соответствует сегодня соотношению покупательных способностей советской и иностранной валют и должен быть заменен.

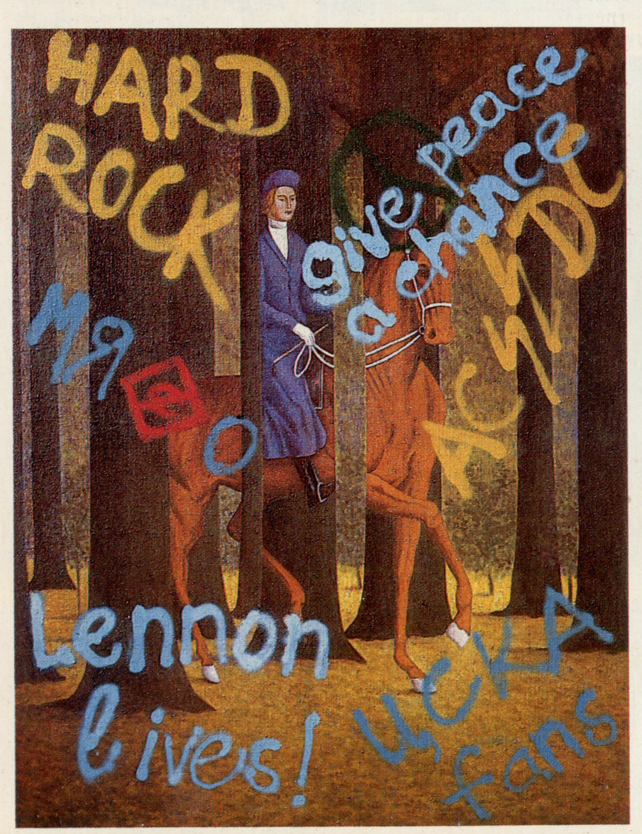
ГЕОРГИЙ КИЗЕВАЛЬТЕР

Диптих «КАРТИНКИ ДЛЯ МЕДИТАЦИИ»

Триптих
«КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Оба соображения нашли отражение в Постановлении от 2 декабря 1988 года. Так, в его п. 13 отмечается: «Признать необходимым упростить действующую систему расчетов при осуществлении экспортно-импортной деятельности государственных предприятий, объединений и организаций, постепенно отказываясь от использования при пересчете фактических контрактных цен в советские рубли дифференцированных валютных коэффициентов. До перехода на расчеты с использованием нового валютного курса применять начиная с 1 января 1990 года 100-процентную надбавку к курсовому соотношению свободно конвертируемой валюты к рублю».

Из приведенной выдержки следуют два чрезвычайно важных вывода. Во-первых, имеется твердая нацеленность на установление единого курса рубля. При этом, правда, не оговаривается, к какому сроку намечен этот переход. И это, видимо, правильно, поскольку срок этот определяется степенью решения таких крупных вопросов, как реформа системы ценообразования, переход на оптовую торговлю и таможенный режим и целый ряд других. Во-вторых, с 1990 года рубль, по существу, девальвируется в 2 раза. Почему именно в 2? Признаться, из имеющихся публикаций по проблемам курса рубля или ценообразования ответы получить невозможно.

Наконец, третье предложение, выдвигаемое, правда, не столько в связи с обсуждением проблем конвертируемости рубля, сколько как попытка повысить эффективность использования экспортной выручки предприятий, сводится к необходимости изменения порядка распоряжения заработанной инвалютой.

Это предложение, как и два предыдущих, получило закрепление в постановлении Совета Министров. Причем важнейшим изменением в порядке использования предприятиями средств своих валютных фондов можно считать то, что отчисления в валютные фонды государственных и общественных предприятий, объединений и организаций от выручки за экспорт товаров (работ, услуг) производятся начиная с I квартала 1989 года на их счета по мере поступления платежей от иностранного покупателя. В таком же порядке переводится на счета производственных кооперативов, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность, их выручка в иностранной валюте после отчислений государству по установленным нормативам.

По существу, три вышеназванных предложения, включая их некоторые модификации, объединяют в себе всё предложенное экономистами на страницах печати (еще об одном предложении речь пойдет чуть ниже). Все это, как мы убедились, учтено постановлением Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 года. И тем не менее вряд ли можно утверждать, что сделан реальный крупный шаг в направлении конвертируемости рубля. И вот почему.

Содержащиеся в постановлении статьи, несомненно способствующие повышению эффективности внешнеэкономической деятельности предприятий страны, не касаются практически механизма взаимосвязи внутреннего денежного обращения и международного. А конвертируемость национальной валюты в экономическом, а не в юридическом смысле есть показатель вовлеченности внутренней денежной системы в мировую, внутреннего рынка — в мировой, национального хозяйства — в мировое.

До сих пор речь идет о механизме распределения и перераспределения инвалюты, а также ее использования. Неявно предполагается идентичность категории денег у нас в стране и за рубежом, в развитых

капиталистических государствах. Видимо, поэтому вопросы конвертируемости рубля никак не связываются с реформой сферы обращения внутри страны.

В нынешних условиях хозяйствования и уровня развитости нашей экономики единственно приемлемым путем оздоровления денежно-кредитной и финансовой сферы представляется создание зоны «нормального» денежного обращения внутри или, вернее, рядом с существующим обращением. Радикальное оздоровление сферы обращения с помощью денежной реформы (по примеру проведенных в ранние послевоенные годы в ряде западноевропейских стран, скажем, в Западной Германии в 1948 году) вряд ли сейчас возможно, прежде всего по социальным соображениям. Другой вопрос, каким образом создать такую зону «нормального» денежного обращения.

Первым и весьма положительным этапом на пути к конвертируемому рублю должно стать обеспечение его конвертируемости для расчетов по так называемым текущим статьям платежного баланса, то есть по экспорту и импорту товаров и услуг. Как показывает опыт ведущих капиталистических стран, такой вид конвертируемости может существовать достаточно долго при одновременной неконвертируемости или крайне ограниченной конвертируемости национальной валюты по расчетам, вызываемым движением капиталов. Так, для Японии, Франции, Италии и ряда других крупных западных стран, конвертируемость по текущим операциям при неконвертируемости по капитальным операциям сохранялась не один десяток лет.

Основными шагами по обеспечению конвертируемости рубля на его первом этапе должны быть: установление единого курса рубля; создание внутреннего валютного рынка, включающего биржевую торговлю валютными ценностями и торговлю инвалютой уполномоченными банками во внебиржевом обороте; дальнейшее развитие экспортного сектора в стране и аккумуляции валютных резервов; развертывание широкой системы финансирования внешнеторговых операций, включающей обслуживание оборота различных инструментов коммерческого кредита; внедрение диверсифицированного инструментария валютной политики Государственного банка, а предварительно, разумеется, разработка принципов такой политики, четкая регламентация задач и возможностей Госбанка в этой области; разработка и введение валютного законодательства и др.

Перечисленные выше шаги ограничиваются специфически валютной и внешнеторговой областью. Однако в заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что все они будут практически лишены смысла и не смогут выполнить возлагаемых на них задач без создания в стране внутреннего рынка, без решительного перехода к системе хозяйствования, заставляющей предприятия изыскивать всевозможные формы и методы постоянного повышения эффективности их деятельности, в том числе и внешнеэкономической. Другими словами, возможность перехода к конвертируемому рублю будет определяться успешностью проводимой в стране перестройки экономики, а конвертируемый в иностранные валюты рубль станет одним из лучших доказательств успеха перестройки, одним из важнейших результатов ее решающего этапа.

СТРАСТИ ПО ГОССТРАХУ

С 1988 года выписываем ваш журнал. Видим ваше внимание к проблемам, с которыми сталкиваются многие организации в период перехода на хозрасчет и вообще ко всему тому, что связано с перестройкой. Но, честно говоря, думаем, что меняется очень мало, а в той сфере, где мы работаем, изменений, похоже, не предвидится еще много лет...

Работаем мы в Таганской районной инспекции Госстраха Москвы страховыми агентами. И видим, что здесь не только не думают о перестройке, но еще больше обюрокрачивают дело.

Статьи, которые иногда появляются в печати, затрагивают больные вопросы Госстраха, но в них всегда больше претензий к страховому агенту, чем к организации страхового дела в целом, ведь в представлении граждан «страховой орган» и «страховой агент» — одно и то же, но это далеко не так.

Внутренние инструкции, определяющие наши права и обязанности, вызывают, мягко говоря, недоумение. Это прежде всего относится к «Справочнику страхового агента» (М.: Финансы и статистика. 1986).

Мы трудимся в государственной организации, но до сих пор никто не может или не хочет точно определить, к какой категории работников нас отнести: вроде бы мы — служащие, а отпуск — 15 дней, как у рабочих. Далее. Мы считаемся нештатными сотрудниками, хотя Госстрах — наше основное место работы. Здесь нам оформляют отпуска, больничные листы и т. д., но почему-то на нас не распространяются распределение фонда экономии зарплаты и другие виды поощрений. В Госстрахе только одной Москвы около 3 тысяч человек являются нештатными сотрудниками. Нам кажется, что содержать такое количество нештатных сотрудников — непозволительная роскошь для Минфина, ведомства, к которому мы относимся. ВЦСПС и Госкомтруд делают вид, что не замечают сложившейся ситуации.

Еще один интересный момент. В «Справочнике страхового агента» на с. 66 читаем: «Нештатными страховыми агентами могут приниматься и лица на условиях совместительства... т. е. на эту должность могут быть приняты рабочие и служащие любых категорий... Вместе с тем нештатному страховому агенту не разрешается работать в двух или более инспекциях Госстраха, на участках других страховых агентов, а также в других организациях, поскольку это отрицательно сказывается на развитии государственного добровольного страхования среди населения и качестве обслуживания страхователей». Не удивительно ли?!

Или оплата больничных листов. В справочнике записано (с. 88): «Заработок нештатных страховых агентов состоит из процентного вознаграждения...», т. е. у нас не оклад, а мы получаем определенную сумму в процентах с каждого вида страхования (например, 10% со страхования от несчастных случаев и домашнего имущества, 6% — со страхования средств транспорта, 2,5% с долгосрочного вида страхования и 1% с расчетных книжек). И эти проценты с годами снижают. Следовательно, агент получает конкретное вознаграждение за собранную сумму денег, если же он проработал неполный месяц, начисленное процентное вознаграждение по долгосрочному виду (основной заработок) выплачивается ему пропорционально фактически проработанным в данном месяце дням. «Такой порядок расчета объясняется тем,— гласит инструкция,— что процентное вознаграждение выплачивается не за платежи, собранные нештатными страховыми агентами, а за выполнение обязанностей, возложенных на них, т. е. за постоянно проводимую массово-разъяснительную работу» (там же). Получается: если здоров и работаешь, начисляется процентное вознаграждение от суммы, сданной государству, если

болеешь, то деньги, которыми мы отчитались (по организациям), для исчисления зарплаты не играют основной роли: эту сумму делят на фактически проработанное время (когда нами разъяснительная работа не велась). Отсюда и оплата больничных. И вывод: ни нештатному страховому агенту, ни его детям болеть нельзя... А ведь агентами работают в основном женщины.

Далее. Очень мало кто обслуживает одну-две большие организации, чаще — от 5 до 20 средних. Если мы даже не будем вести разъяснительную работу, а только отвезем в день по списку и приедем сверить его после перечисления нам платежей, то и месяца не хватит. Вот и ездим в два раза больше, а проездные билеты нам не выдают. В справочнике на с. 67—68 читаем: «Местом работы агента является инспекция Госстраха, а непосредственным рабочим местом — выделенный для обслуживания населения конкретный участок. Поэтому расходы, связанные с проездом страхового агента к рабочему месту и обратно, не возмещаются». Зато есть и другие пояснения: «Для возмещения нештатным страховым агентам расходов по проезду в инспекцию и обратно в дни явок их с отчетами о проделанной работе... они расписываются в журнале учета явок» (с. 149), т. е. должны оплачиваться дни явок. Эта инструкция действует давно, но именно в нашей инспекции стали оплачивать наши расходы с 1988 года, после того как мы подняли и выяснили волнующий нас вопрос. Но и такой порядок продержался у нас недолго. В соответствии с письмом Министерства финансов СССР и правления Госстраха СССР от 18 июля 1988 года № 35-180/18, поддержанным Госкомтрудом и ВЦСПС (от 6.07.1988 года № 1893-ЛК), с 1 января этого года внедрена следующая рекомендация: учитывать результаты работы нештатных страхагентов за квартал (выполнение плана). Значит, чтобы агенту выплатить 4—5 рублей в квартал за нашу марафонскую работу, каждый раз необходимо решение бригады, если же он не смог выполнить план, его лишают и этого!..

Не знаем, специалистами каких отраслей составлялся справочник, содержащий приведенные нами рекомендации, зато известен его рецензент — зам. министра финансов СССР тов. В. А. Сальников.

Не можем не привести еще одно извлечение из «Общих положений» справочника: «При определении перспектив развития добровольных видов страхования среди населения необходимо учитывать у в е л и ч е н и е т е м п о в п о с т у п л е н и я страховых платежей и повышение производительности труда страховых работников на основе применения более прогрессивных форм и методов труда, широкого использования электронно-вычислительных машин для ведения страховых операций» (с. 43).

А как увеличивать эти темпы? Даже не совсем понятно, о чем речь. Может быть, взять все страховые взносы по всем видам сразу за год? Или имеется в виду что-то другое? А как повысить производительность труда, если ЭВМ используются наполовину, причем программа одинакова по всему Союзу, несмотря на то, что в Москве, скажем, не страхуют животных, поскольку здесь в общем-то не держат ни лошадей, ни верблюдов, ни крупного рогатого скота. Правда, есть две застрахованные козы.

Участок агента — определенное число организаций, территориально разбросанных в пределах одного района. Главк рекомендует в качестве прогрессивной формы бригадный метод. Бригада — это 5—12 агентов. И если у каждого от 5 до 10 организаций, то рекомендуемая форма чаще всего оправдать себя не может. Случается, бригада не выполняет план, а страдают и хорошо работающие в ней агенты. В некоторых инспекциях есть и бригады, и агенты, работающие индивидуально. Справочник и составляли в расчете на два вида работы. В нашей же инспекции все рекомендации принимаются как закон, в результате не осталось ни одного агента, работающего индивидуально.

В справочнике написано: «Бригада создается строго на добровольных началах приказом начальника инспекции Госстраха не позднее, чем за 15 дней до начала квартала» (с. 68). Зачисление в бригаду производится только с письменного согласия агента. С нас подпись берут раз в год, да могут и не брать, ведь все равно из бригады не выпустят. Почему? Да потому, что ниже написано: «Нештатный страховой агент, выведенный из состава бригады, не имеет права требовать выделения ему части участка бригады». А так как у нас все в бригаде, то свободных участков нет.

Есть и изменения, «улучшающие» нашу работу, а именно: в 1986 году вышел приказ № 50 Управления Госстраха по г. Москве, фактически нарушающий закон добровольности страхования. Теперь наши клиенты обязаны страховаться т о л ь к о у того агента, который обслуживает их дом или организацию, как участковый врач. А если он страхователю не нравится? Страхование-то у нас добровольное, и если люди звонят в управление, то им отвечают, что они могут страховаться у кого хотят, и в инспекции на приеме населения никому не откажут. Но... есть ревизия, проверяющая выполнение данного приказа, и если она обнаружит «чужака», агент лишается премии. Вот так. Результат налицо — потеря большого числа страхующихся.

Теперь о главном — о планировании. План очень завышен. Это знают и главк и управление, но пересмотреть его не хотят. Ответ у них готов: «У вас маленький охват населения страхованием — только 30%. Работайте!»

Дорогие наши начальники, ведь добровольное страхование — это далеко не обязательное. Нельзя же исходить из 100% «добровольности», это уже обязаловка и принудиловка. Планировать надо не от достигнутого перевыполнения, а исходя из реальных возможностей того или иного района и т. д. Но этот вопрос требует отдельного серьезного разговора.

И наконец, не следует забывать, что работа наша особенная: ведь мы имеем дело с людьми. Давая государству миллионные прибыли, мы, агенты, помним, что за каждым рублем стоит человек, а вышестоящая организация, издавая такой справочник, инструкции и другие приказы, думает ли об агенте как о человеке?!

Т. Милованова,
страховой агент,
председатель совета трудового коллектива,
М. Комарова, страховой агент,
зам. председателя совета трудового коллектива
Таганской инспекции Госстраха г. Москвы

НУЖНА РОДИТЕЛЬСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ!

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мне 47 лет. Пишу письмо незнакомым людям впервые в жизни. Мы с мужем люди как все: школа, институт, работа. Есть двенадцатилетний сын Володя. Он состоит на учете в психоневрологическом диспансере с диагнозом олигофрения.

Что мы для него сделали! Наблюдения в институте дефектологии, консультации у Владимира Леви, частные дефектологи, логопед, психиатр, иглотерапевт, занятия спортом, музыкой, рисованием. И еще каждодневная наша любовь. Чего мы добились! Володя учится — на дому, в 6-м классе вспомогательной школы (Замечу, что мамой он назвал меня в 6 лет, а букву «а» учился писать целый год).

Зачем я вам пишу! Дело в том, что мы с мужем, как сказал один знакомый, оббились о нашего сына. Эти 12 лет настолько многотрудны, что кажутся как 100. Володя ни разу еще не оставался дома один (он боится). Я целый день с ним: кормлю, гуляю, читаю ему и т. д. Муж работает с утра до ночи, чтобы нас прокормить и оплатить всех учителей, врачей, доставателей лекарств да и полтысячные дачи каждое лето.

Кстати, о проблеме лета. Эти больные не выносят солнца. Дачный сезон в Подмосковье стоит 500—600 рублей, а отдыха нет, так как здоровые дети превращают моего сына в забавную мишень. В Москве нет специализированной больницы, кроме 6-й психиатрической, а это, как говорят сами врачи, «очень плохо». Вызвать няньку из «Зари»— она откажется тут же, потому что очень тяжело ухаживать за таким больным ребенком, когда он чужой и его не любишь. (Хотя Володя не агрессивный, а тихий, вернее, плаксивый мальчик, но в двенадцать лет рост — 170, размер ноги — 41). И мысль о том, что, кроме нас, он никому не нужен и что он не сможет без нас, будит меня по ночам, не дает покоя.

Трудно бороться с бедой в одиночку, давайте создадим родительскую солидарность, или коммуну, или поселение, где жили бы родители со своими психически больными детьми. Говорят, есть такой опыт в Польше, ФРГ, Финляндии, Франции. Если бы мы имели что-то типа загородного дома или пансионата! Я готова работать там педагогом, поваром, медсестрой, уборщицей — кем угодно. Многие проблемы были бы решены. Легче было бы и нам, родителям, и нашим детям.

Е. В. ВИЛЬКОВИЧ, МОСКВА

Недавно редакция получила речь главного героя из паратрагедии **ВИКТОРА КОРКИЯ** «Черный человек, или Я, бедный Сосо Джугашвили». Не в силах, вследствие разгула плюрализма, отказать Вождю Народов, мы предлагаем его выступление вниманию читателей и компетентных организаций, надеясь на понимание последних, что редакция не может нести ответственность за высказывания этого исторического персонажа, тем более что с целым рядом из них она не согласна.

ОБРАЩЕНИЕ СТАЛИНА К НАРОДНЫМ ДЕПУТАТАМ

Товарищи! Избранники народа!
Вы думаете, что у вас свобода?
Что, требуя какой-то «лучшей жизни»,
вы действуете из любви к Отчизне?
У вас сейчас в чужом пиру похмелье.
Но гласность — это западное зелье.
Сперва оно пьянит, а что в итоге?
Вот именно! — отрыжка от изжоги!

Давайте взглянем с классовой платформы:
нужны ли радикальные реформы?
Не странно ли, что трижды академик
не понимает, что в стране нет денег?
А если денег нет, а есть проблема,
то как ее решать? Нужна система.

Один товарищ — чересчур активный! —
назвал систему Административной —
знакомый политический оттенок.
Но воздержусь пока что от оценок.
Не потому, что не нужна оценка,
а потому, что я не Евтушенко.

«Идея не работает без мяса» —
так рассуждает не народ, не масса,
а тот, кто безыдейность насаждает.
Товарищи, народ не рассуждает!
Он твердо знает: никакая гласность
не может заменить госбезопасность!

Уверен, от развала и разрухи
нас не спасут ни домыслы, ни слухи,
ни сплетни, а они имели место —
подумать только! — и с трибуны Съезда!
А в революционной ситуации
всего опасней — что?..— Инсинуации!

А кто инсинуаций сочинители?
Я думаю, не просто очернители,
не просто злопыхатели и нытики,
нет, это — спекулянты от политики!
И каждый доморощенный «философ»
имеет наготове ряд запросов!
. . . .
. . . .*

Кто против и указов и приказов?
Не думаю, что Язов или Чазов.
Кто Юрий Власов? Власовец? Из «бывших»?
Из ничего на свете не забывших?
И все неймется! Все, как видно, мало!
А кто его поддерживал из зала?
А кто не поддержал его — для вида?
Что значит этот пир во время СПИДа?

Давайте вместе спросим у народа:
нужна ему подобная «свобода»?
Нужны ему такие «демократы»?
Спросите у народа, депутаты.
за что он — за расцвет или упадок?
За ваш бардак или за наш порядок?

Я думаю, не может быть двух мнений
у тех, в ком есть хоть капля убеждений!
А тот, в ком убеждений нет ни капли,
кто здесь сейчас балдеет на спектакле,—
пускай себе балдеет, пусть хохочет.
Придет пора — и он еще схлопочет!

Товарищи! Мы сообща могли бы
преодолеть любые перегибы.
Но первым делом — Сахарова к ногтю!

---

* Из-за бурной реакции зала это место расслышать не удалось.

Он в нашей бочке меда ложка дегтю!
На Сахарова не нужны талоны!
А нужно — что?.. Вот именно! — законы!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .*

Товарищи! Вопрос национальный
в своей основе эмоциональный.
А эмоциональная основа
ведет прямым путем к свободе слова.
А так как мы — наполовину Азия,
кругом одни сплошные безобразия!

Вчера погромы были в Фергане,
а завтра могут быть по всей стране!
Кто хочет превратить страну в пожарище?
Ответьте мне, пожалуйста, товарищи.
Ответьте мне, народные витии,
вы думаете о судьбе России?
Или с трибуны вашей не видна
холодная гражданская война?
Прошу публично дать ответ на это
Президиум Верховного Совета.

Товарищи, потом аплодисменты.
Вы чӗрез одного интеллигенты.
А это существа такого рода,
что через одного враги народа!
И зря не понимают депутаты,
зачем нужны саперные лопаты.
Нужны, когда иные аргументы
исчерпаны! Теперь — аплодисменты.

Но просьба — не устраивать овацию,
а то возьмут и вырубят трансляцию.

* Шум в зале и аплодисменты вновь заглушили оратора.

Леонид Кузнецов

ПЕРВЫЕ «РАЙОНКИ»

В марте появился «Измайловский вестник», в апреле — «Перовец», в июне — «Панорама», в июле — «Районные будни» и «Сокольники». Жители Первомайского, Перовского, Ленинского, Волгоградского и Сокольнического районов первыми в Москве получили собственные газеты.

Что это? Непомерные амбиции районных руководителей, не считающихся с острым бумажным дефицитом? Самореклама?

Увы, подобные высказывания слышать приходилось и от коллег-журналистов, и от представителей «читательской аудитории». Да и сам, признаюсь, сначала отнесся к такой самодеятельности весьма скептически. Но эмоции довольно быстро сменились трезвыми размышлениями.

Московские районы по территории, населению, экономическому развитию давно уже превзошли многие областные центры. В то же время на пути осознания и формирования общности интересов тех, кто живет и трудится в районе, тех, кто районом управляет, стоит немало препятствий.

Большой шаг к преодолению барьеров, к выяснению позиций и взглядов различных категорий жителей районов был сделан в период выборов народных депутатов СССР. Впервые мы тогда ощутили, что коллективная воля кировцев, бауманцев, севастопольцев (избирательные округа в основном соответствовали районам) может влиять на судьбы страны.

Работники идеологических отделов райкомов, сотрудники редакций районных газет, с которыми мне пришлось беседовать, именно с прошедшей избирательной кампанией, ростом активности людей связывали рождение своих изданий.

«Измайловский вестник» еще во время подготовки к выборам опубликовал программы депутатов по Первомайскому избирательному округу и обстоятельные интервью с ними. Затем на его страницах выступил ставший к тому времени депутатом Верховного Совета СССР Н. С. Глазков. На вопросы корреспондента «Перовца» ответил народный депутат СССР А. Е. Себенцов. «Панорама» поместила интересную беседу с депутатом Верховного Совета СССР А. М. Емельяновым, а с жителями Сокольнического района своими впечатлениями о прошедшем Съезде поделился народный депутат СССР В. А. Горохов.

Не за горами выборы в местные органы власти. О значении «районок» в этой кампании много говорить не надо.

«Трудовой стаж» районных газет еще очень мал, тем не менее уже сейчас очевидно стремление редакций превратить их в трибуну гласности и дискуссий. При этом райкомы партии, исполкомы райсоветов, другие районные организации получили возможность оперативно информировать жителей о всех местных новостях, событиях, проблемах.

Под рубрикой «В райкоме КПСС» все газеты публикуют отчеты о прошедших пленумах и заседаниях бюро РК КПСС. Причем не ограничиваются только короткой информацией или репортажем. В апреле «Перовец» поместил заметки с совместного пленума РК КПСС и РК ВЛКСМ, посвященного молодежным проблемам, а в июне рассказал о конкретных направлениях выполнения принятой пленумом программы действий.

Райкомы партии ежедневно сталкиваются с множеством самых больных проблем, но то, как они их решают, что конкретно делается для людей, зачастую скрыто за парадными фасадами и стенами. Отчеты о прямых телефонных разговорах жителей с руководителями районов, опубликованные в «Панораме» и «Измайловском вестнике», дают возможность читателям самим судить и о характере проблем, и о позиции партийных комитетов. «22 сюжета из жизни района» — так был озаглавлен репортаж-размышление, подготовленный корреспондентом «Измайловского вестника». Через некоторое время редакция связалась с жителями, звонившими тогда В. С. Афанасьеву, и смогла сообщить в газете о том, что большинство из них удовлетворено результатами своего обращения по «прямому проводу» к первому секретарю РК КПСС.

Как известно, пленум Московского городского комитета КПСС принял решение о проведении общегородской дискуссии о жизни и деятельности партии, ее месте в современном обществе, повышении авторитета коммунистов в решении задач перестройки. Сейчас она уже развернулась на страницах газет и журналов, на митингах. Не случайно июльский номер «Панорамы» открывается подборкой дискуссионных материалов «Партия. Какой ей быть?», где, в частности, опубликованы выдержки из резолюции внеочередной партийной конференции МГУ, вызвавшей разноречивые суждения в районной парторганизации.

Среди проблем, которые волнуют сегодня жителей столицы, особое место занимают экологические. «Среда обитания или среда выживания?» — такая красноречивая рубрика появилась уже в первом номере «Сокольников». «Панорама» опубликовала отчет о результатах исследования состояния окружающей среды Ленинского района, проведенного группой ученых Института общей и коммунальной гигиены имени А. Н. Сысина. Есть и конкретные дела: «Измайловский вестник» взял под свой контроль ход ремонтных работ на Серебряно-Виноградных прудах.

Серьезную озабоченность москвичей вызывает и рост преступности. Это нашло отражение на страницах районных газет. Правда, в основном редакции освещают лишь фактическую сторону событий, но, видимо, должны появиться и аналитические материалы. Первый шаг к этому сделали «Сокольники», предоставив слово одному из руководителей РУВД.

Не имея возможности осветить всю тематику вышедших номеров, обращу внимание лишь на то, что значительную часть своей площади некоторые газеты отводят для рекламы и объявлений предприятий, учреждений, кооперативов и жителей районов. Почему?

Этот конкретный вопрос выводит нас на довольно серьезную проблему рождающейся районной печати. Дело в том, что районные газеты имеют различную издательскую базу. Все основные заботы по изданию «Панорамы» и «Измайловского вестника» взяли на себя отраслевые информационные институты, расположенные на территории районов,— ЦИНТИхимнефтемаш и ВНИИ Информэлектро. «Районные будни» издаются на базе агентства «Гласность». Разумеется, в условиях хозрасчета они должны вести дело на основе самоокупаемости и поэтому очень заинтересованы в публикации рекламы. Как мне сообщили в редакции «Измайловского вестника», издание его окупится к концу текущего года, тогда, возможно, будет снижена и цена (каждый номер «коммерческих» газет стоит 20 копеек). Впрочем, хорошо поставленная реклама, любая экономическая информация могут стать катализатором производственного сотрудничества предприятий и кооперативов в районе. Поэтому отношение к рекламе не может быть однозначным.

Принципиально иным путем пошли в Перовском и Сокольническом районах. Здесь объединили усилия редакции многотиражек предприятий, которые выпускают районные газеты, используя собственную материальную и полиграфическую базу и опираясь на свои журналистские кадры. И нужно прямо сказать, что профессиональный уровень опубликованных материалов у них выше, чем в других районных газетах, за исключением, может быть, «Районных будней».

Уже сейчас читатели могут получать газеты по подписке или приобретать отдельные номера. Правда, как свидетельствуют письма читателей (а их редакции уже получают), при этом иногда возникают трудности.

Как будет дальше развиваться районная печать в Москве, покажет время, сейчас мы можем лишь констатировать, что она становится реальностью.

Номер набирался, когда стало известно, что еще ряд московских районов выпустил свои газеты.

Александр Орлов

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ТАЛОН

Талоны, что и говорить, украшают нашу полукрасивую жизнь и делают ее более осмысленной и человечной. Никакой тебе давки, хамства и мордобития в очередях за дефицитом. Никаких тебе рвачески настроенных граждан, уволакивающих из магазинов туго набитые сумки, мешки и даже целые нераспечатанные контейнеры. Талоны, безусловно, способны воспитывать уже не поддающихся вроде воспитанию взрослых людей.

Люди с талонами, как было замечено, уже не суетятся, не мельтешат, не несутся беспорядочными стадами к магазину, заслыша крик: «Туалетную бумагу выбросили!» — они держат себя в руках. И руки эти под сей скорбной тяжестью, прошу заметить, не дрожат. Потому как

граждане знают, что за талоны все равно возьмут без толкотни и увечий свои строго научно нормированные куски благосостояния, которого, при стихийном распределении, на всех, ясное дело, не хватит.

И вот счастливые обладатели талонов садятся в автобус (трамвай, троллейбус) и едут в магазин, по дороге прокусывая специальными капканами, что называются компостерами, специальные опять-таки талоны, именуемые почему-то книжечками. И тут, всегда вдруг, как инфаркт или беременность, появляются капканщики и звучит команда предъявить подорожную.

И упаси боже, если на вашем честно пробитом талоне случайно окажется надпись «г. Минск» (Ленинград, Хабаровск, Гамбург, Рио-де-Жанейро и т. п.), а едете вы в московском, к примеру, автобусе. Вас тут же обложат, как медведя в берлоге, страшными словами и выпустят на улицу только через труп капканщика, на который вы положите 3 рубля штрафу. То есть тем самым вас приравняют к бесталоннику, несмотря на то, что вы с талоном.

Взывать к здравому смыслу не имеет смысла. У капканщиков такая инструкция: не своих — не признавать.

Ответственные товарищи, родившие эту инструкцию, вне всяких сомнений, умнейшие люди: «А может, у вас дома подпольная типография по производству иногородних талонов имеется, и вы бесплатно катаетесь!..» «А может быть, в Минске талоны дешевле стоят, или, может, там вообще, деньги другие...»

Ведь пишут же на водочно-масляно-сахарно-мясных талонах: город такой-то. И даже номер магазина указывают, в котором эти талоны хождение имеют. Так что нигде, кроме как в означенном месте, вам и обгорелой спички не продадут. И стало быть, нечего без толку мотаться по стране и компостировать в местном транспорте неместные талоны. Как говорится, логичная логика. Потому что если сделать так, что, где хочешь, там и покупай,— то страшно и подумать, что начнется! Они ж тотчас понаедут из всяких Рио-де-Жанейров и всё тут у нас скупят подчистую! И местные аборигены, натурально, останутся с носом. Которым нечего будет даже понюхать.

Это на примере Москвы очень даже ярко просматривается. Его Величество Талон с завидной регулярностью берет столицу штурмом. Столица еженедельно испытывает самые настоящие набеги, наезды, налеты и нашествия. Вместо воинственных степняков с луками и саблями на белокаменную теперь нападают орды оседлых русичей с мешками и авоськами, способными вместить в себя целый шкаф.

На первый взгляд, вполне банальное выражение «тульская электричка» по субботам вызывает у москвичей самую разнообразную, но всегда энергичную реакцию: от изжоги до взрывов гомерического хохота. В субботу паломники съезжаются к святым местам — к продуктовым магазинам. И так много набивается в электрички любителей колбасы, что электрички превращаются в мясорубки, а любители колбасы — в форменный фарш. В общем, как ни поверни — все время кто-то внакладе остается, сплошное неудобство: либо эти — с носом, либо те. И по понедельникам в столичных магазинах хоть шаром покати — ничего нет, и продавцы подрёмывают.

Потому, конечно, у чужаков, если уж они и приперлись, надо отбивать не только навязчивое желание что-нибудь купить на память — будь то коробка спичек, или кило мяса, или импортные трусы,— но и вообще всякую охоту еще раз посетить наш славный город такой-то.

И начинать отбивание охоты надо, конечно, с самого начала. С автобуса (трамвая, троллейбуса), идущего от вокзала к центральным магазинам. Надо прям сразу не давать приезжим продыхнуть. Вперед, капканщики!

Я, как местный абориген, приветствую и всецело одобряю такую политику и практику. Это будет наш решительный ответ экономическим проискам разных там Рио-де-Жанейров и прочих Лос-Анджелесов. Ура, товарищи! Ура...

Да, чуть не забыл. Тут стали в последнее время бродить какие-то слухи о строительстве так называемого общеевропейского дома. В ко-

тором мы все будем проживать, когда построим. Я, конечно, решительно «за», «ура!», «даешь!» и так далее. Я даже готов безвозмездно выделить из личного хозяйства остродефицитный мешок цемента на нужды строительства. Но с условием обязательного сохранения в этом доме талонов по месту жительства. Тем более что в де-Жанейрах наблюдается в этом плане небольшой бардачок. У них там полный разгул продуктово-шмоточного изобилия и почти каждый хватает, что хочет и сколько влезет.

А анархией, сожравшей у нас весь сахар и стиральный порошок, мы уже насытились. Так что переселяться в новый дом, считаю, надо с талонами.

Белла Леонидова

СТО ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ ПРО... ХАМСТВО

Первой на деревенской улице мне повстречалась пожилая женщина. Она поклонилась и с ласковой улыбкой сказала:

— Здравствуй, милая!

— Здравствуйте! — растерянно отозвалась я, не привыкшая к приветствиям незнакомых людей. И остановилась: явное доброжелательство вроде бы обязывало к продолжению разговора.— Вы здешняя?

— Здешняя,— охотно подтвердила она.— А ты откуда будешь?

— Вот, из Москвы приехала, по делу...

— Из Москвы! — протянула женщина.— То-то, я смотрю, уважительная, сразу видать — из столицы!

«...На всех московских есть особый отпечаток!»

С той встречи прошло немало лет, но всякий раз, ушибаясь о наше

ставшее уже привычным неистребимое хамство, вспоминаю слова деревенской жительницы, и мне становится неловко, будто невольно в чем-то обманула ее.

На всех московских есть особый отпечаток?

Увы, «визитная карточка» москвича так испачкалась и обтрепалась, что без штампа столичной прописки она может вызвать недоверие в любом населенном пункте, где еще по старинке воспринимают столичных жителей как некий эталон культуры языка и поведения. И невдомек, что многих из них уже вполне можно отдавать на перевоспитание одесским биндюжникам, если те не откажутся, боясь дурного примера.

Стыдно признаваться, но приходится: расплодившиеся и набравшие силы потомки библейского грубияна чувствуют себя в нашем городе очень вольготно и задают тон чуть ли не повсеместно. Народился целый фольклор о хамах — смешные анекдоты, от которых потом, когда отсмеешься, становится грустно. Классические высказывания типа: «А еще в шляпе...», «Ездил бы в такси!..», «Вас много, а я одна» и прочие, сегодня кажутся невинными и примитивными. Современный хам куда злее и страшнее. Про него можно писать много, можно сто четыре страницы, можно пятьсот четыре или еще больше. Откроем страницу наугад.

Крепкий молодец, поигрывая бицепсами, во весь голос и на весь трамвай заявляет старику, потенциальному претенденту на его «сидячее» место: «Житья от вас, старых, нет! Помирать пора, а все ездят, ездят!»

Ветеран предъявляет удостоверение, чтобы не выстаивать час за килограммом яблок, и очередь взрывается: «Не хлеб! Постоял бы — не развалился. Навыдавали удостоверений всяким жуликам!»

На рынке покупательница, раздосадованная высокими ценами, орет хозяину южного товара: «Понаехали в Москву, черномазые!»

Хамство напрямик, в лоб, встречается на каждом шагу. Мы дышим им, как лондонцы своими туманами, натыкаемся на него, как на кирпичную стену. Потом откашливаемся, потираем ушибленные места, двигаемся дальше, к следующему...

Следующая страница — хамство с подтекстом.

В столичном универмаге покупательницы рассматривают какую-то пустяковую кофточку под скучающим взглядом молоденькой продавщицы. Рассматривают долго, дотошно, и продавщица, окончательно соскучившись, удаляется, предварительно вслух предупредив свою товарку за соседним прилавком: «Посмотри за ними!» Покупательницы разом отодвигают от себя подальше трикотажное изделие и поскорее отходят.

Одной из них оказалась я. Теперь, что-нибудь покупая, боюсь сделать даже случайное движение, которое работники торговли могут истолковать как попытку хищения их и без того более чем скромного ассортимента.

Для любого хамства — самодеятельного, служебного — отличительны два признака: первый — хаму абсолютно наплевать на всех, кроме самого себя, и второй — хам непоколебимо уверен в своем праве плевать на всех.

Хамство всегда хамство и различается только масштабами, то есть количеством одновременно страдающих от него людей.

Новая страница.

В Москве на улице Красикова военно-строительное управление четвертый год возводит 14-этажный дом. Возводит по старому, доставшемуся еще от брежневских времен, проекту. При острой нехватке жилья в столице все должны бы радоваться, но жители Черемушкинского рай-

она четвертый год упорно пишут жалобы. В чем дело? А вот в чем: новостройка (125 метров по фасаду) загородила торцы двух домов, в которых давным-давно живут люди. Тридцать две квартиры превратились из светлых в полутемные, и такие же полутемные квартиры образовались в новом, еще недостроенном доме.

— Почему такое наплевательское отношение к нам! — сетуют лишенные дневного света жильцы.— Кто вам дал право не считаться с нами?!

Начальство проявило чуткость:

— Не нравится жить в потемках? Ладно, так и быть, переселяйтесь в дом в районе метро «Кантемировская». А ваши полутемные отдадим курсантам — им и такое жилье сгодится на время.

— Но мы не хотим переезжать,— возражают старожилы улицы Красикова.— Нас вполне устраивали наши квартиры, пока вы не загородили нам белый свет! Кроме того, в доме есть пенсионеры, одинокие, им-то каково перебираться!

Но это никого не интересует.

Стройка перегородила въезд в большой квартал, где проживают десять тысяч человек. «Ну и что! — не растерялось начальство.— Прорубим арку».

Прорубили. Еще четыре квартиры долой.

Под стройкой оказались колодцы для стока ливневых вод. Теперь после дождей здесь образуются огромные лужи-пруды, даже болота. Они не высохли и в минувшее тропически жаркое московское лето. Жители микрорайона так и проходили все месяцы по шатким мосткам, в галошах. Обращались к работникам райисполкома: «Пройдите хоть раз сами по этому маршруту!» Не желают. Им тоже наплевать.

Хотя дом возводят четвертый год, но считается, что возводят его методом скоростной стройки. Работают круглосуточно, с утра до ночи и с ночи до утра. И круглосуточно на стройплощадке крик, нецензурная брань. Рядышком два восьми- и два пятиэтажных дома. Можно при желании подсчитать, сколько людей лишены нормального отдыха, сколько детей разного возраста постигают благодаря строителям некоторые нюансы родного языка.

Видите, даже архитектурный проект может быть изначально хамским. Если бы при его создании подумали о тех, кому он причинит столько неудобств... Но думать об этом — другая плоскость. Хотя, казалось бы, чего проще: построить этот самый дом в районе метро «Кантемировская», и не надо никого переселять, не надо прорубать арку, затоплять окрест мостовую...

Хамство обладает способностью окрашивать в свой ядовитый цвет все, к чему прикасается.

Во двор выходит служебный вход булочной. Каждую ночь к нему подъезжает фургон с хлебом. Пока идет разгрузка, рабочие весело переговариваются. В ночной тишине уснувшего дома их голоса звучат особенно отчетливо. Кто запретит им разговаривать?

Раньше, когда человеку говорили «хам», он обижался. Теперь — нет. «Да, хам, и что с того? Все такие!» Конечно, это преувеличение, «такие» далеко не все, но «таких» достаточно, чтобы столичная атмосфера приобрела привкус забегаловки низкого пошиба.

Еще одна страница.

Ранний телефонный звонок.

— Маляры у вас? — спрашивает начальственный женский голос.

— Какие маляры?!

— Обыкновенные! У вас в квартире сегодня по плану ремонт!

Хватаясь за сердце, бегу в РЭУ, бывший ДЭЗ, бывший ЖЭК, бывший ЖАКТ,— по смене переименований эта организация перещеголяла даже многострадальный город Рыбинск! Объясняю: никто не предупредил, ничего не подготовлено... В ответ: «Вашу квартиру заливали?» — «Да, и неоднократно (тоже хамство!)» — «По плану ее будут ремонтировать сегодня». Вместо благодарности начинаю лепетать, что хорошо бы отложить ремонт на несколько дней, комнаты не пустые: книги, мебель... Ко мне отнеслись с пониманием — отодвинули ремонт на неделю.

Возвращаясь домой, я радовалась, что в коммунальное хозяйство пришли работать такие отзывчивые люди. Вечером ко мне заглянула соседка по лестничной площадке:

— Маляры у вас сегодня работали?

Я похвасталась своей маленькой победой. Соседка грустно вздохнула и пригласила меня к себе. Ее квартира оказалась образцово подготовленной к ремонту: комната и кухня полностью освобождены от мебели, светильники сняты, полы застелены газетами...

— Дело в том,— сказала соседка,— что меня еще вчера предупредили: утром начнется ремонт. Вызвала родню, все подготовили, а маляры... не пришли. Звонили, сказали, что придут завтра.

Завтра все повторилось, и послезавтра — тоже. Соседка запаниковала: ей уже никто ничего не обещал, фирма «Заря» принимает заказ только на три месяца вперед, надо срочно искать частного мастера... Я тут же дала себе мысленно клятву: не двигать ни одного стула, пока маляры не возникнут на пороге. Они возникли через три месяца.

Может быть, кто-то назовет такой случай плановой неувязкой или еще как-то, но у меня сомнений насчет природы этого явления нет.

Чеховский Редька говорил: «Тля ест траву, ржа — железо, а лжа — душу!»

Хамство губит все. В основу многих наших сегодняшних бед заложено именно оно. Мы растеряли уважение к культуре, которое основано на уважении к человеку. Недаром выступление на Съезде народных депутатов Дмитрия Сергеевича Лихачева выслушали лишь вежливо и снисходительно. А один из ораторов даже прошелся насчет того, что, конечно, академик Лихачев говорил красивые слова о культуре, но есть, мол, и более важные предметы... Какие? Что может сделать хам, не обладающий даже элементарными навыками культуры? Оживить экономику? Наладить межнациональные отношения? Воспитать детей? Вывести страну на новые рубежи? Ничего он не может. Надо сказать об этом громко, во весь голос, и поднять затоптанный хамами престиж культуры.

На семинаре по эстетике я услышала о том, что японцы, в предвидении неизбежного спада своей экономики, чуть ли не вдвое увеличили... число часов на эстетическое воспитание в школе. Они считают, что только культурные, эстетически развитые люди в состоянии найти выход из кризиса. И помню, как один из слушателей фыркнул: «Ну, дает! Это уж с жиру. Какая тут связь...» Вот в том-то и беда, что связь перестали улавливать.

Хамство проникло, как зараза, во все поры нашей жизни, куда от него деваться! Самое страшное, что и дети подрастают и впитывают его в себя. А лекарства от хамства нет, и вряд ли его изобретут. Поможет только профилактика — неприятие хамства в любом виде.

В одном из своих телевизионных выступлений Александр Бовин сказал, что хорошо бы десять заповедей дополнить еще одной: не халтурь! Для полноты соответствия нашей сегодняшней жизни стоит добавить еще одну: не хами!

Людмила Сальникова

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННОЙ СВАХИ

Предположим, что вы человек несемейный и мечтаете устроить личную жизнь. Для этого отправляетесь в ближайшую службу знакомств. После прохождения положенных формальностей получаете квитанцию, в которой обозначено, что гражданин такой-то, внеся определенную сумму, получает право пользоваться картотекой. А далее идут набранные типографским способом строки: «за предметы, взятые напрокат, в случае порчи обязуюсь...» Шутка? Ничего подобного. Службы знакомств относятся к сфере быта, как химчистка или прачечная...

Непростые проблемы московской службы знакомств уже поднимались на страницах нашего журнала. Например, в № 3 за 1988 год Вячеслав Басков в статье «Повестка на любовное свидание» взглянул на них с точки зрения «клиента» службы.

Сегодня мы имеем возможность посмотреть на эти проблемы, как говорится, изнутри. Журналистке Людмиле Сальниковой удалось некоторое время самой побыть в роли свахи.

Вот ее впечатления.

«А что такое сваха? Сваха — великое слово! Не у всякого хватит ума, как его понимать! Если рассудить хорошенько, так нас бы надобно всякими разными чинами жаловать,— вот что я тебе скажу. Нами только и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может. Вот оно какое слово — сваха. Не будь нас, ну и конец, и род человеческий прекратится».

Такими рассуждениями подбадривает меня сваха Акулина Гавриловна Красавина, кочующая по пьесам А. Н. Островского и лихо, как блины, пекущая парочки из неудачливых чиновников и богатых вдовушек. Ну что ж, с таким напутствием можно приступать к деликатному делу сватовства.

* * *

Помещение брачной конторы мы постарались сделать как можно более уютным. Повесили на окна дорогие шторы, кресла в холле поставили, эстампы на стенах красиво разместили. Теперь представим, что открывается дверь и заходит...

Сразу первая загвоздка — как Его назвать? Посетитель? Казенно. («Прием посетителей по личным вопросам».) Тогда — клиент? Профессиональные психотерапевты именно так называют своих подопечных, но человеку неискушенному сие словечко режет слух — не в парикмахерскую, в самом деле, пришел! Есть еще вариант: абонент службы знакомств. Приемлемо, но длинновато...

Начнем еще раз. Итак, наш потенциальный клиент-абонент, подавив смятение и страх (надо заметить, что пока службы знакомств особым доверием не пользуются и в них идут либо в минуту крайнего отчаяния, либо в порыве безудержной храбрости), открывает заветную дверь и поднимается в холл. Кто встретит его, до смерти перепуганного, готового опрометью бежать назад, в свою одинокую берлогу?

Обаятельная сотрудница, которая, улыбаясь, мягко подтолкнет его к нужной двери, попутно воркуя про полную анонимность обращения, которая, впрочем, не отменяет предъявления паспорта и кое-каких справок.

Или заменить обаятельную сотрудницу — сколько раз за день придется улыбаться! — на приветливый плакатик при входе, подробно излагающий правила приема в службу знакомств?

А может быть, вообще ничего не выдумывать — пусть сами соображают, ориентируются? Тогда к нам придет только тот, кто кровно заинтересован в нашей помощи.

Теперь разберемся с анкетой. Ее надлежит заполнить всем членам картотеки. В вопроснике сто шестьдесят два вопроса. Первые — простые: дата рождения, рост, вес, жилищные условия и прочее. Чем дальше, тем напористее ведется допрос: как у вас насчет алкоголя и дополнительных заработков? Образцового порядка в квартире и способов проведения свободного времени? Отвечать следует без утайки, ничего не приукрашивая, дабы не исказить представление о собственной персоне.

Сперва абонент, одолев вопросник, занесет свои ответы в столбик «Я». Но вместо того, чтобы облегченно вздохнуть, ему придется вернуться к первой странице вопросника и проделать всю процедуру заново. Теперь отвечать от имени того желанного, единственного, кого в мечтах представляешь спутником жизни. Это и есть конкретный «заказ» на мужа или жену, совсем как в известной песенке: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу...» Эти ответы записываются в соседнюю колонку под названием «Партнер». Затем наклеиваем в карту фотографию — и в общий массив.

Пора отбросить предрассудок, что браки совершаются на небесах. У нас они будут происходить на научной основе. Выглядеть это будет так: абонент листает анкеты, собранные по папкам (совсем как в бюро по обмену квартир), находит подходящую кандидатуру, вынимает эту карту из общей пачки и производит нехитрое сличение с собственной анкетой — колонку «Партнер» у себя совмещает с колонкой «Я» в приглянувшейся карте, то есть выясняет, соответствует ли его «спрос» имеющемуся «предложению».

Мне такой подход не совсем понятен. Ведь отношения двоих — это всегда мучительное — но самостоятельное! — обретение единства через ошибки и откровения. Любой студент психфака знает: подобно тому, как невозможно изобрести вечный двигатель, нельзя, слава богу, вычислить формулу человеческой совместимости. Достаточно оглядеться вокруг, чтобы убедиться — дружной семьей живут и близкие, и совсем разные по характеру супруги, их склонности и привычки могут образовывать самые противоречивые сочетания.

На современном брачном рынке в цене вполне определенные показатели. Для женщин основной «валютой» является возраст. Чем менее выигрышны данные потенциальной невесты (внешность, социальный статус, дети и т. п.), тем охотнее она ищет знакомство с мужчиной намного старше нее. Предпочтительным «спросом» пользуются женщины без детей; среди тех, у кого один ребенок, в выигрышной ситуации оказывается мама с дочкой (сыновья гораздо труднее привыкают к новому папе), наконец, двух-трехдетные мамаши практически не имеют никаких шансов. К женихам, ввиду их дефицитности, требований гораздо меньше, однако выше ценятся те, кто имеют квартиру, свободны от вредных привычек и могут похвастаться высоким ростом.

Вообще физическим данным партнера нынче уделяется особое внимание. Внушительная часть вопросников для клиентов служб знакомств, скажем, в США посвящена описанию внешности, весу, цвету волос и глаз, расовой принадлежности, женщины обязаны указать размеры бю-

ста, талии и бедер. Мы к подобной откровенности не привыкли, поэтому отделываемся фразами типа «хорошо сложена», «имею спортивную фигуру». В нашей анкете мы деликатно просим абонента назвать его рост и размер одежды, а в заявке на партнера пометить одну из трех типов фигур — полную, среднюю или худощавую.

Где-где, а в стенах брачной службы имидж, облик человека может сыграть решающую роль. Иному абоненту незачем рыться в анкетах, достаточно одним глазком взглянуть на предложенную кандидатуру, чтобы сказать: то это или не то. Во всем мире активно переходят на видеоролики, дающие возможность увидеть клиентов «живьем». Но для этого вида услуг нужна дорогая аппаратура, а мы учреждение бюджетное, то есть бедное. Может быть, когда-то, со временем...

Теперь разберемся: кто и почему сегодня попадает в разряд одиноких?

В моем распоряжении исследование социологов, проведенное в столичной службе знакомств.

На первый взгляд у абонентов есть все предпосылки для создания семьи: подавляющее большинство из них неплохо материально обеспечены, около половины живут в отдельных квартирах, высшее образование у 87 процентов женщин и 67 процентов мужчин. Собственно, многие из них — 55 процентов мужчин и 54 процента женщин — имели прежде семью, но сохранить ее не сумели.

Социологам удалось установить, что многим абонентам свойственны эгоизм, непримиримость, упрямство, конфликтность, неумение взглянуть на себя со стороны. Например, 48 процентов мужчин и 53 процента женщин считают, что не следует уступать друг другу в семейной жизни ни при каких обстоятельствах. Об их неспособности к близкому, доверительному общению говорят и такие факты: 27 процентов мужчин и 8 процентов женщин не имеют близких друзей, 24 процента мужчин и 14 процентов женщин при знакомстве испытывают скованность, боязнь раскрыться.

Любопытно, что запросы мужчин и женщин кое в чем отличаются. Скажем, установка на семью у женщин выражена гораздо определеннее, поэтому невесты преобладают в брачных бюро. Нетрудно заметить, что у женщин более низкий уровень притязаний к будущему супругу. Более половины из них согласны воспитывать чужих детей без всяких условий, многие готовы мириться с недостатками партнера, брать его трудности на себя. Такая готовность идти навстречу в диалоге с мужчиной объясняет несколько меньшие трудности женщин в общении.

Хотя женщины менее требовательны к избраннику, их запросы к качеству семейных отношений гораздо выше, чем у мужчин. На первый взгляд — противоречие. Но объяснить его достаточно просто. Дело в том, что посетительницы брачных служб придают не слишком большое значение внешним обстоятельствам жизни своего потенциального супруга — наличию у него детей или величине заработка, снисходительны они и к недостаткам характера. Зато их очень волнует духовная гармония, взаимное уважение мужа и жены. Чтобы создать такую атмосферу, они готовы самоотверженно бороться и за изменение внешних обстоятельств жизни, и за исправление дурных черт характера брачного партнера.

В целом холостяки искренне стремятся к созданию семьи, 53 процента мужчин и 50 процентов женщин считают семейную и профессиональную деятельность равнозначными, а 45 процентов женщин заявили, что семья для них при любых обстоятельствах важнее.

Прежде чем записаться в картотеку, каждый должен пройти собеседование. Его цель — определить психологические проблемы человека, чтобы знать, как с ним лучше работать. Казалось бы, во встрече с психологом должны быть заинтересованы в первую очередь сами клиенты. Не тут-то было! Далеко не каждый, отправляясь в службу знакомств, желает там выворачивать душу наизнанку — он хочет получить определенного вида услугу, не более. Срабатывает и такая закономерность: чем больше у посетителя комплексов, тем тверже он убежден, что все у него в жизни «о'кей» и никакой помощи не требуется. А почему нет друзей? Отчего не ладятся глубокие отношения с противоположным полом?

Деликатно советуешь: вам бы месячишко-другой походить на индивидуальное психологическое консультирование, давайте прямо сейчас и запишем вас на прием. В ответ обида: что вы со мной как с ненормальным, нет у меня никаких отклонений!

Беда в том, что кое-кто до сих пор не видит никакой разницы между психологом и психиатром. Помню, однажды на большой, известный завод приехала группа специалистов-семьеведов. Приличные очереди выстроились к юристам, врачам, педагогам, и только столик с табличкой «психотерапевт» с опаской обходился: еще запишут в психи, на учет поставят...

Одинокому человеку сегодня некому пожаловаться на судьбу — у всех своих забот хватает. Поэтому многие, приходя на собеседование, вначале удивляются: неужели существуют люди, чья профессия — вникать в чужие неудачи и разочарования да еще советы давать? В роли «учителя жизни» я пока чувствую себя не совсем уверенно — знаю ли сама, что хорошо и что плохо? Но приходится, подавив неуверенность, каждое утро садиться в кресло и настраиваться на очередной разговор.

— Хотите, расскажу, как муж поступил со мной и двумя детьми? Два года назад решили переехать в другой город. Сначала поехал муж, обещал забрать нас, как только устроится. Прожил на новом месте год, женился на женщине с дачей и «Волгой». Вот и остались мы одни. Я так привыкла к заботам о муже, что жизнь мне кажется теперь неполноценной. Хоть по улице иди с табличкой «Ищу мужа»...

Милая, симпатичная женщина с покладистым характером. Но шансы ее, увы, очень невелики, как и у всякой женщины после сорока. Женихов ее возраста в картотеке маловато, да и те заглядываются на молоденьких. Остается надеяться на счастливый случай.

— Знаете, какими качествами должна обладать сегодня женщина, чтобы ее взяли замуж? Не читать Гроссмана и Платонова — раз, не ходить в консерваторию и на выставки — два, когда на душе муторно — хватать сигарету и рюмку. Ни в чем благоверному не перечить, в рот ему заглядывать. Я всего этого делать не хочу, из принципа, лучше сидеть одной дома у телевизора.

Этой порывистой тридцатилетней брюнетке с яркой косметикой действительно нелегко найти себе пару: слишком категорична и нетерпима в суждениях. Ей бы подошел мягкий, уступчивый мужчина, но она таких терпеть не может. У сильных же личностей она вызывает скорее всего раздражение.

Вот совсем другая посетительница: женственная, мягкая, но проблемы те же:

— Внешне у меня все нормально: общительная, веселая. Знаете, сколько внутри нежности, ласки, но кому это нужно? Дошла до того, что каждый прожитый день провожаю с тоской, ведь он приближает меня к старости...

Сколько подобных горьких размышлений приходится мне выслушивать! Почему красивые, умные, тонкие женщины остаются «невостребованными»? Очередной мой собеседник выдвигает свою версию:

— Честно вам скажу, мужики деградировали. Мне вот двадцать четыре, я считаю, что готов к браку. А другие? Поглядите, вместо живого темпераментного мужчины, готового решать любые проблемы и вести за собой, видишь скучного, задавленного жизнью человека. И даже если на общем фоне появляются настоящие мужчины, то в общении со скучными людьми они постепенно утрачивают свою жизненную энергию. Надо учиться красиво жить! Я не про деньги и тряпки, про радость жизни...

Жизнелюбию этого молодого человека можно только позавидовать. Он полон желания переделать мир, хорошо бы ему с годами не «поскучнеть»...

Следующая посетительница кажется воплощением тоски и разочарования.

— Два года назад дала объявление в газету. Получила более 70 писем. С некоторыми корреспондентами сразу прервала переписку, с другими, к несчастью, встретилась. Помятые, небритые, сквернословили, не стесняясь. От меня, правда, ничего не требовали, но всякое желание продолжать такие знакомства отпало. Другие мужчины, хоть и выглядели прилично, вели себя так, будто делали одолжение, встречаясь со мной, присматривались ко мне как к лошади на базаре. Некоторые интересовались моей зарплатой, квартирой. А как личность, как человек я никого не интересовала. Так и не выбрала спутника жизни.

Что тут скажешь? Ситуация, к сожалению, типичная.

Дефицит женихов оказывает тем же мужчинам плохую услугу — они подчас лишаются последней самокритичности. Дает о себе знать и нелегкое положение, в которое попадает всякий, обратившийся к брачным услугам,— перед ним встает проблема выбора. Даже из двух платьев в магазине порой мучительно трудно выбрать лучшее. А как найти единственное, тебе предназначенное письмо из семидесяти случайных, посланных наугад? Еще сложнее, встречаясь с пятью, десятью, пятнадцатью претендентами на твою руку и сердце, остановиться на ком-то одном и сказать: вот он, мой суженый. Обязательно возникнет предательская мысль — вдруг завтра я встречусь с самым лучшим?

Работники брачной службы не занимаются подбором кандидатур для знакомств, их задача — помочь членам картотеки самостоятельно отыскать свою половину. Но, увы, по иронии судьбы созданные друг для друга люди частенько так и не встречаются, не узнают друг друга, хотя могут сидеть рядышком, дожидаясь приема.

Иногда я тайно иду на должностное преступление: подкладываю как бы невзначай своему клиенту нужную карту. В тех случаях, когда твердо уверена в успехе. Однажды, к примеру, симпатичный вдовец, отставной военный, надумал забирать документы из картотеки — отчаялся найти жену. Предложений ему хоть пруд пруди, но все не от тех. Ему хочется жену тихую, домашнюю, а его атакуют напористые и активные. Можно было, конечно, следуя инструкции, сохранить полную бесстрастность и вернуть вдовцу документы. Но я, к счастью, вспомнила, что совсем недавно точно так же сидела возле меня робкая миловидная женщина. Как огня боится она знакомств, не знает, как себя вести на свиданиях, да и вообще уверенно чувствует себя только в домашних стенах.

Если у тебя не камень вместо сердца, не удержишься, чтобы не познакомить этих двоих...

Нередко причина неустроенности наших собеседников в том, что они видят себя совсем не такими, какими их воспринимают окружающие. И мы зря получаем зарплату, если за час беседы не сумеем тактично открыть человеку глаза на самого себя. Весьма распространен случай, когда абонент сильно переоценивает свои возможности, предъявляя непомерные требования к партнерам. А бывает, что низкая самооценка мешает человеку проявить себя.

Больше всего меня возмущают так называемые «ленивые» клиенты. Они палец о палец не желают ударить, чтобы хоть как-то позаботиться о своей личной жизни. Пусть это сделает кто-нибудь другой. К нам они приходят как в ателье или обувную мастерскую, только вместо вечернего платья и зимних сапожек заказывают мужа или жену. Выдайте квитанцию и скажите, какого числа можно получить. Трудно понять, чего тут больше: душевной лени, потребительского отношения к жизни, человеческой незрелости...

Есть и такие, кто вовсе не стремится к семейной жизни. Вот элегантная посетительница моложавого вида. Кандидат наук, увлекается горными лыжами и теннисом. На достаток не жалуется, квартира у нее благоустроенная, в престижном районе. Зачем ей портить маникюр, стирая чьи-то брюки, варить борщи и печь пироги с капустой? Почему к нам обратилась? Хочется иметь друга, возлюбленного, с которым не стыдно в гости пойти или уикэнд провести. Что тут зазорного?

Вопреки расхожему мнению, далеко не каждому мужчине тяжко живется без женской помощи в хозяйственных делах. И в службе знакомств он ищет отнюдь не прачку и повариху, а приятную собеседницу, очаровательную напарницу в своих увлечениях, для чего жениться вовсе не обязательно.

Не каждый и не каждая отдают себе в этом полный отчет. Над многими довлеет внушенная с детства мысль: одинок — значит, несчастен. Поэтому человек честно пытается примерить на себя роль добродетельного семьянина и терзается, если из этой затеи ничего не выходит. Почему? Один пропустил ту счастливую пору молодости, когда легко, с радостной готовностью принимают любимого человека целиком, не раскладывая его трезвым умом на пороки и достоинства, и в первую, медовую пору супружества успевают приладиться, приноровиться ко всем извивам характера своего избранника. Другие вкусили семейной жизни, развелись и теперь в любой кандидатуре настойчиво выискивают несовершенства, а найдя, с облегчением вздыхают: ну вот, опять не то. Третьи за долгие годы одинокого существования вконец «одичали», стали независимыми и самостоятельными настолько, что приходят в ярость от намека на попытку ущемить их свободу.

Во всех подобных случаях шансы клиента обрести семейный покой близки к нулю, сколько их ни «перевоспитывай». По-моему, самое правильное — честно признать это. И трагедии тут никакой нет. Впрочем, подобных посетителей не так уж и много. Большинство искренне стремятся найти свою половину.

Как происходят знакомства в нашей службе? Многие предпочитают знакомиться самостоятельно. С обратной связью у нас плоховато, и чем заканчиваются встречи, как правило, неизвестно. Не дает парочка о себе знать — мы радуемся: вдруг что-то у них получается. Может, и в загсе успели побывать, но нам сообщать не желают. И это даже хорошо, значит, срабатывает любопытная психологическая закономерность: когда отношения у абонентов дошли до счастливой развязки, они ставят это в собственную заслугу, засчитывают в личную победу. Но если, упаси бог, что-то не заладилось, все претензии к нам!

Наслушаешься жалоб, и начинает казаться, что мы, работники службы знакомства, являемся устроителями какого-то нелепого фарса. Глупо ждать от не умеющего плавать человека рекордов в заплыве на стометровку. Как в таком случае рассчитывать на успех при встрече двоих, если оба не владеют элементарными навыками общения, да к тому же не в ладах с азами нравственной культуры? Потому так хаотичны, мимолетны и безрезультатны знакомства наших абонентов. Все

они нуждаются в серьезной, долгой индивидуальной работе с психологом, без предварительной подготовки им на свидания отправляться бессмысленно.

Некоторые наши абоненты не решаются знакомиться самостоятельно. Для них имеется специальная комната встреч: три кресла, журнальный столик, самовар, тихая музыка. Ведет разговор кто-нибудь из наших. Побывала и я в роли посредника между женихами и невестами; удовольствие, признаюсь, ниже среднего. Как ни юли, ни разглагольствуй на отвлеченные темы, суть ситуации всем троим ясна до предела: «Здравствуйте, я хочу замуж, как вы на это смотрите?», «Да и мне вот жениться приспело...». А что дальше?

Дальше моим застенчивым абонентам, сгорая от стыда, хочется бежать куда подальше... друг от друга...

У меня невольно возникает порой крамольная мысль. Разве не абсурд сама идея клубов знакомств? Когда собираются любители разводить кактусы или коллекционеры спичечных этикеток — с ними все ясно. Их объединяет общий сдвиг по фазе, можно обменяться информацией, обсудить планы на будущее. А наши несчастные пытаются объединиться на почве собственного одиночества. Они — что? Будут всю жизнь его пестовать как любимые кактусы? Или обмениваться своим горьким опытом?

Есть, правда, и более эффективный способ знакомства — психологический марафон. Это занятие, состоящее из серии ролевых игр, помогающих членам группы раскрепоститься, сбросить маски и показать себя настоящих. На это требуется определенное мужество, зато можно узнать друг друга за вечер лучше, чем за годы обычного знакомства. По моему убеждению, сквозь такое психологическое «чистилище» надо пройти каждому члену службы.

Первое задание на умение чувствовать партнера: смотреть ему прямо в глаза, копировать походку и движения, читать по мимике и выражению глаз мысли. Для некоторых даже этот первый этап оказывается непреодолимым; нет ничего страшнее и труднее, чем обнаруживать свои истинные чувства, свою неуверенность, боль, гораздо привычнее прятаться за надуманной позой, нелепой маской.

Потом ведущий просит придумать и нарисовать животное, которого не существует. При этом надо подробно рассказать, где оно обитает, чем питается, какого роста, сколько живет и тому подобное. Все воспринимают задание как забавное развлечение, не подозревая, что сейчас добросовестно воспроизводят на бумаге суть своей натуры.

Начинается коллективное обсуждение рисунков.

— Что-то у вашего зверя слишком большие глаза — вас что-то постоянно тревожит. А этот хвост плетью опустил, значит, вы по натуре пессимист. Как ваше животное размножается? Почкованием? У вас проблемы в области секса. Полюбуйтесь, какая симпатичная многоножка получилась — вы любите искать в жизни спасительные подпорки. Почему ваше животное так мало живет? Нет у вас радости бытия. А вот человек с явными устремлениями, смотрите, какие крылья нарисовал. Какое жуткое чудовище: по всей спине огромные шипы! Кто же на вас так сильно давит?

Каждая разоблачительная фраза сопровождается нарочито громким хохотом авторов рисунков. Однако по бледнеющим или краснеющим лицам легко определить, что в душе им не до смеха. Иллюзорный мир рушится, и проступают контуры неумолимой реальности, отметающей прежние знания о себе и об окружающих.

Хорошо ли, что пробуждение состоялось? Ведь мы не в силах стать экскурсоводами по лабиринтам их личностей. В следующий раз в зале будет сидеть новая партия из десяти человек и сочинять экзотическое животное. А эти, сегодняшние, окажутся один на один с неясными вопросами и еще более острым чувством одиночества... И устав от него, опять придут за помощью в нашу брачную контору.

А здесь мы живого человека помещаем среди вещей, которые чистят и берут напрокат. Имея дело лишь с суммами денежной выручки — так требует сфера быта — брачная служба в упор не замечает своих клиентов. Мы превратились в инквизиторов: измученных одиночеством людей делаем жертвами нашей брачной ярмарки, где они беззащитны перед бескультурьем и пошлостью, цинизмом и безнравственностью. Конечно, кто-то, наверное, стал счастливее: от 5 до 10 процентов обратившихся нашли здесь мужа или жену. Много ли это?

По-моему, профилактикой одиночества надо заниматься отнюдь не в брачной службе. Тому, кто решил обзавестись семьей, не помешает тест на зрелость, чтобы выяснить стремления человека, его умение принимать и осуществлять решения. Казалось бы, совпадение взглядов на жизнь — необходимейшее условие при заключении брака, однако далеко не все женихи и невесты ведут об этом разговоры до свадьбы, а потом начинаются неприятные открытия: для жены, оказалось, деньги важнее всего на свете, или муж проявил себя легкомысленным транжирой и безответственным отцом. Бывает и так, что кто-то из супругов строит грандиозные планы на будущее, но претворить их в жизнь не способен.

Эти люди всячески уклоняются от любых трудностей, избегают ответственности, при первых семейных осложнениях могут оставить семью и уйти к маме, друзьям, завести роман на стороне. Словом, здесь речь идет о человеческой незрелости, из которой проистекает полнейшая неготовность к семейной жизни.

Однако общей зрелости недостаточно. Надо, оказывается, еще овладеть непростой ролью супруга. Нет, в данном случае роль не имеет ничего общего с фальшивой маской, скрывающей истинную суть человека. Речь идет о ролевом сотрудничестве, в котором мы реализуем нашу потребность в общении. Вся наша жизнь состоит из постоянной смены социальных ролей: на работе мы члены трудового коллектива, в магазине — покупатели, в театре — зрители. Ну а приходя домой, вместе с комнатными тапочками надеваем на себя роль мужа и жены. По глубине эмоционального, душевного погружения друг в друга супружеское общение, наверное, не имеет себе равных. Но полноценным оно может быть только тогда, когда партнеры овладели всеми премудростями своих ролей: хорошо понимают, что от них требуется, умеют удовлетворить этим требованиям. Искусность надо продемонстрировать сразу во многих областях — в межличностном общении и интимных отношениях, в умении организовать досуг и наладить быт, воспитывать детей, вести семейный бюджет и так далее и тому подобное.

Далеко не каждый способен пройти сей строгий экзамен. Стоит ли удивляться шквалу разводов, разрастанию армии одиноких?

Обидно, что мы так мало внимания уделяем собственной личности, ее внутреннему устройству, полагая, что это удел лишь специалистов — психологов, философов, педагогов. Знай мы хоть немного больше о себе, количество неразрешимых конфликтов, безвыходных положений сильно поубавилось бы.

Место событий, описываемых журналистом - международником В. К. Абариновым,— Нюрнберг. Время действия — 1946 год, период работы Международного трибунала для главных немецко-фашистских преступников.

Два исторических события удивительным образом переплелись в трагической судьбе военного юриста Н. Д. Зори: Советско-германский договор о ненападении от 1939 года и Нюрнбергский процесс.

Вопрос о секретных дополнительных протоколах к советско-германскому договору до сих пор не получил в исторической науке всестороннего освещения, хотя на протяжении пяти десятилетий привлекает к себе внимание общественности. Как известно, завершившийся недавно Съезд народных депутатов СССР образовал специальную комиссию по политической и правовой оценке этого договора.

В Нюрнберге все попытки подсудимых и защитников привлечь внимание судей к советско-германскому договору встречали решительный протест со стороны советских обвинителей, да и не только советских. Почему? Вроде бы это выглядит логичным. Ведь не советскую же внешнюю политику судил трибунал. Подсудимые обвинялись в составлении и осуществлении заговора против мира, человечности, в тягчайших военных преступлениях. Но, может быть, были и другие мотивы?

Основанная на многочисленных архивных документах и свидетельствах очевидцев версия автора представляется если не бесспорной, то, во всяком случае, достойной внимания.

Владимир Абаринов

В КУЛУАРАХ ДВОРЦА ЮСТИЦИИ

Нюрнбергский процесс принадлежит к числу событий, о которых мы знаем как будто все или почти все. Между тем материалы процесса, опубликованные за рубежом в 42 томах, советские издатели волшебным образом уместили в семитомник (сейчас, правда, выходит новое издание — в восьми томах). Даже наиболее значительные эпизоды процесса известны широкой публике в отредактированном виде. Именно сейчас, в год 50-летия начала второй мировой войны, как никогда, важно очистить историю Нюрнбергского трибунала от позднейших наслоений, стереть «хрестоматийный глянец» и ложный пафос.

Из командировки в Нюрнберг Николай Дмитриевич Зоря не вернулся. В Москву доставили лишь чемоданы с личными вещами и подарками для детей. На словах было сказано, что генерал Зоря погиб из-за неосторожного обращения с оружием. Никакого официального извещения о смерти семья Зори не получила. Только спустя почти четыре года его сыну Юрию Николаевичу для поступления в военно-морское училище управлением кадров Прокуратуры СССР была выдана справка о том, что Н. Д. Зоря умер в результате несчастного случая. Еще через год бюро загса Краснопресненского района Москвы оформило свидетельство о смерти. В графе «Причина смерти» значится: «Несчастный случай».

Первое, и пока единственное, в советской исторической литературе упоминание об инциденте содержится в опубликованной два года назад книге Марка Рагинского «Нюрнберг: перед судом истории», где указано, что государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря «трагически погиб 23 мая 1946 года при чистке личного оружия».

Недавно Юрий Николаевич, ныне капитан-инженер I ранга в отставке, решил разобраться, на каком основании зарегистрирована смерть его отца. Выяснилось: никаких документов, подтверждающих факт смерти, нет, кто и почему распорядился зарегистрировать смерть — неизвестно.

Об обстоятельствах смерти Н. Д. Зори на Западе знают столько же, сколько и мы, а вот о некоторых событиях, в которых он участвовал,— чуть больше. Эта информация и дает основания историкам закавычить версию о чистке оружия, как это сделали, в частности, западногерманские авторы Д. Хайдекер и И. Лееб в своей книге «Нюрнбергский процесс», вышедшей в 1985 году.

* * *

В первых числах марта 1946 года в Нюрнберг был доставлен один из многочисленных свидетелей защиты — бывший начальник юридического отдела германского МИДа Фридрих Гаус. Ходатайствовал о его вызове Альфред Зайдль, защищавший на процессе Гесса и Франка. 15 марта Гаус вручил Зайдлю свои письменные показания. В этом документе подробно излагались предыстория и содержание дополнительных секретных протоколов к советско-германским договорам от 23 августа и 28 сентября 1939 года.

Перенесемся теперь посредством стенограммы в зал суда *.

1 апреля 1946 года. Допрос свидетеля Риббентропа.

«ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель! Вступительная часть тайного соглашения между Советским Союзом и Германией, заключенного 23 августа 1939 года, была следующей: «Учитывая напряженные отношения в настоящее время между Германией и Польшей, на случай конфликта стороны договариваются о следующем...» Помните ли вы о том, что вступительная часть этого тайного соглашения начиналась именно так?

РИББЕНТРОП: Точного текста не припомню, но примерно оно начиналось так.

РУДЕНКО: Я не знаю, г-н председатель, какое отношение имеют эти вопросы к подсудимому Гессу, которого защищает защитник Зайдль, а также к подсудимому Франку. Я не хочу говорить по существу этих письменных показаний, так как я им не придаю никакого значения. Я хотел только обратить внимание трибунала на то обстоятельство, что мы здесь не занимаемся исследованием вопросов, связанных с политикой союзных государств, а рассматриваем конкретное дело главных немецких военных преступников, и подобные вопросы со стороны защиты являются попыткой отвлечь трибунал от вопросов, рассматриваемых на этом процессе. По этим основаниям я бы считал, что

* При подготовке статьи использованы документы Международного военного трибунала для главных немецких преступников, хранящиеся в ЦГАОР СССР (ф. 7445).

следует запретить подобного рода вопросы, как не имеющие отношения к данному конкретному делу.

(Пауза. Совещаются.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, вы можете задавать вопросы».

И Риббентроп, отвечая на вопросы Зайдля, поведал суду о секретных советско-германских протоколах.

До сих пор неясно, каким образом Альфред Зайдль уже после допроса Риббентропа получил в свое распоряжение тексты документов, которые Хайдекер и Лееб расценивают как «юридическую атомную бомбу». О степени важности документов можно судить уже по тому, что Зайдль, добыв их фотокопии, вознамерился сорвать процесс. Впрочем, Зайдль отнюдь не обольщался: не будучи надлежащим образом заверенными, фотокопии не имели юридической силы. Именно поэтому он для начала обратился к английскому обвинителю сэру Дэвиду Максуэллу-Файфу, который, подтвердив, по словам Зайдля, наличие этих документов в своем досье, рекомендовал адвокату встретиться с главным советским обвинителем Р. А. Руденко.

Хайдекер и Лееб пишут далее, что только после того, как Зайдль попытался взорвать свою «бомбу» в зале суда (это произошло 25 марта 1946 года), Руденко запросил Москву и получил подтверждение подлинности документов.

Но это вряд ли соответствует действительности, потому что ни в каких «подтверждениях» Руденко не нуждался.

Мало кому сегодня известно (да и в те дни об этом знали немногие), что помимо официальной советской делегации, в работе Международного военного трибунала непосредственно участвовал орган, именовавшийся то правительственной комиссией по Нюрнбергскому процессу, то правительственной комиссией по организации суда в Нюрнберге, а то и комиссией по руководству Нюрнбергским процессом. Возглавлял комиссию Андрей Януарьевич Вышинский.

Протокол заседания комиссии, состоявшегося еще 26 ноября 1945 года, гласит:

«Слушали: О перечне вопросов, подлежащих устранению на судебном следствии (т. Вышинский). Постановили: 1. Утвердить представленный тов. Вышинским перечень вопросов, которые являются недопустимыми для обсуждения на суде (перечень прилагается)».

Как раз к этому кругу вопросов и относился документ, обладателем которого по воле случая стал Альфред Зайдль. Руденко, присутствовавший на заседании, получил однозначные указания, как следует поступать в данных обстоятельствах.

Проблема «вопросов, подлежащих устранению» беспокоила не только советское обвинение. Еще 9 ноября на совещании главных обвинителей обсуждалась «возможность политических выпадов со стороны защиты». Накануне начала процесса заместитель главного советского обвинителя полковник Ю. В. Покровский сообщил Вышинскому в телефонограмме по ВЧ:

«Обвинители хотят энергично избежать скользких вопросов и не давать возможности подсудимым заниматься дискуссиями или вовлекать суд в дискуссии. В этой связи признали желательным до начала суда обменяться списком вопросов, которые не должны обсуждаться в суде, с тем, чтобы иметь возможность во время процесса их отводить немедленно».

Такой список, как мы знаем, существовал, но ознакомить с ним других обвинителей советская делегация не спешила, предпочитая договориться приватно, без официальных бумаг. Между тем процесс уже шел. 3 декабря советская делегация потребовала изъятия из текста речи английского обвинителя Шоукросса «неприемлемых для нас мест», 7 декабря — аналогичных изъятий из текста выступления Олдермена. Вопрос оставался открытым вплоть до 8 марта 1946 года, когда главный обвинитель от США Роберт Джексон в письме французскому и советскому главным обвинителям напомнил о совещании от 9 ноября. «У меня есть основания предполагать,— писал он,— что защита собирается нападать на советскую политику, называя ее агрессором в отношении Финляндии, Польши, Балкан и государств Прибалтики». Письмом от 11 марта Руденко сообщил наконец Джексону, какие именно вопросы советская делегация полагает неуместными.

Интересно, что из списка, ранее утвержденного комиссией Вышинского, были исключены три пункта: отношение СССР к Версальскому миру, советско-германское соглашение об обмене немецкого населения Прибалтики с Германией, а также вопрос о проливах и «о якобы территориальных притязаниях СССР». Осталось шесть пунктов: вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР, советско-германский пакт о ненападении и «вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т. д.)», визиты Риббентропа в Москву и Молотова в Берлин, Балканский вопрос, советские Прибалтийские республики, советско-польские отношения. Последний пункт имел в первоначальном варианте важное уточнение в скобках: «вопросы Западной Украины и Западной Белоруссии».

Надо ли говорить, что избежать обсуждения всех этих вопросов было мудрено, если не невозможно.

До своего назначения в Нюрнберг Н. Д. Зоря работал в Люблине в Комитете национального освобождения Польши советником представителя СССР по юридическим вопросам. На эту должность он был отозван из действующей армии. В этом пункте его биография не совпадает с биографиями других советских обвинителей: все они были сотрудниками Прокуратуры СССР, давно знали друг друга, притерлись. Зоря же был человек не их круга. Зоре было труднее еще и потому, что он в отличие от своих коллег не принимал участия в предварительных допросах. А между тем ему предстояло представить суду доказательства по важнейшим разделам обвинения («Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и угон в немецкое рабство»), допросить свидетелей, с которыми он прежде не встречался.

Непосредственно после разговора с Максуэллом-Файфом Зайдль последовал его совету. В своей книге «Дело Рудольфа Гесса» он пишет:

«Я направился в то крыло здания суда, где располагались служебные помещения советского обвинения и попросил доложить о моем приходе генералу Руденко. Его секретарша предложила мне сесть и подождать. Через некоторое время она вернулась и сказала: «Генерала Руденко нет, но вы, если хотите, можете поговорить с господином генералом Зорей».

Возможно, это чистая случайность. Ведь заместителем Руденко был полковник Покровский, и, если главный обвинитель оказался за-

нят, именно Покровский должен был принять Зайдля. Но есть основания усомниться в случайности встречи Зайдля и Зори.

Дело в том, что еще в сентябре 1945 года, едва получив назначение, Зоря был срочно командирован в Лондон, где проходила сессия Совета министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции. Сохранился исписанный карандашом лист бумаги с описанием этой поездки, озаглавленный «Заметки для дневника». Приведем два коротких фрагмента.

«14.IX. Никто не спит в эту ночь. Нас 6 человек. Много волнений. Наконец все урегулировали. В 1 ч. ночи визит к А. Я. В. Последние напутствия. Прощание с т. т. Едем на Внуково (30 км от Москвы). Погода полетная. В 6 ч. 30 м. вылетаем. Смотрим на свою землю. Тоскливо улетать из Родины. Пролетаем Германию. Вот оно, логово — Берлин...»

«15.IX. Отлет из Берлина. В 7 ч. (по моск. врем. разн. на 2 ч.) мы в Лондоне. Нас встретил консул и др. т-щи нашего посольства. Кругом чужой говор... Устроились в гостинице. Первый день за границей. Зелени много на улицах, вежливость английская. Кормят здесь плохо, карточки и купоны. Сразу в работу. Вечером писал донесения А. Я. В. Много трудностей, особенно в технике.

Прием В. М. 20.IX. 8 ч. (лонд. врем.)».

А. Я. В.— это, конечно, Вышинский, а В. М.— Молотов. Итак, Зоря был направлен Вышинским в Лондон для консультаций с Молотовым. Невозможно представить, что Зоря не обсуждал с Молотовым проблему «нежелательных» вопросов. То есть он был единственным советским обвинителем, который получил инструкции непосредственно от министра иностранных дел.

Альфред Зайдль продолжает:

«Генерал Зоря предложил мне сесть рядом со своим письменным столом и спросил о причине моего прихода. Я ответил: «В этой папке находятся копии обоих секретных дополнительных протоколов, которые были подписаны 23 августа и 28 сентября 1939 года после заключения пакта о ненападении и договора о дружбе и границе рейхсминистром фон Риббентропом и советским народным комиссаром иностранных дел. В обоих случаях речь идет, правда, о незаверенных копиях с оригиналов. Однако сэр Дэвид Максуэлл-Файф от британского обвинения подтвердил соответствие копий оригиналам и предложил пойти к вам, чтобы найти возможность внести в число доказательств на процессе оба документа с согласия советского обвинения». Генерал Зоря немного подумал и сказал: «Нет никакого предмета для подобного разговора» *.

Правительственная комиссия, не в пример многим нынешним ведомствам, не только принимала решения, но и строго взыскивала с невыполнивших или выполнивших неудовлетворительно ее указания. И немудрено: в ее состав входили наряду с прокурором СССР Горшениным, министром юстиции Голяковым, другими видными юристами и подручные Берия: Кобулов, Меркулов, Абакумов. Ясно, что у них были свои

* В письме к автору этой статьи А. Зайдль указал, что встреча с генералом Зорей имела место между 1 и 8 апреля 1946 года. «Генерал Зоря ответил тотчас же, без малейшего промедления,— пишет Зайдль.— Однако я убежден в том, что до этого он обсудил содержание данного мне ответа с генералом Руденко».

методы ведения следствия. Протокол от 16 ноября 1945 года зафиксировал такой, например, диалог:

«ВЫШИНСКИЙ: ...До сих пор у т. Руденко нет плана проведения процесса. Руденко не готов к проведению процесса. (Процесс начался 20 ноября.— *В. А.*) Вступительную речь, которую мы с вами выработали, я послал в ЦК.

КОБУЛОВ: Наши люди, которые сейчас находятся в Нюрнберге, сообщают нам о поведении обвиняемых на допросах (читает записку). Геринг, Йодль, Кейтель и другие вызывающе держат себя при допросах. В их ответах часто слышатся антисоветские выпады, а наш следователь т. Александров слабо парирует их. Обвиняемым удается прикинуться простыми чиновниками и исполнителями воли верховного командования. При допросе англичанами Редера последний заявил, что русские хотели его завербовать, что он давал показания под нажимом. Это его заявление было записано на пленку.

ВЫШИНСКИЙ: Прокурор должен, где это надо, срезать обвиняемого, не давать ему возможности делать антисоветские выпады».

Чем же закончился инцидент с Александровым? Как он оправдывался? Может быть, объяснил попустительство врагам тактическими соображениями: мол, пускай расслабятся и наговорят побольше? Или резонно возразил, что трудно все-таки ожидать от Геринга просоветских высказываний? Ни то, ни другое. Вот его объяснительная записка Горшенину:

«1. На всех допросах, кроме меня, присутствовали полковник юстиции Розенблит и, как правило, полковник юстиции Покровский.

2. Никаких выпадов против СССР и лично против меня ни со стороны допрошенных обвиняемых, ни со стороны допрошенных свидетелей сделано не было.

3. Случай, о котором Вам было сообщено, как о случае, будто бы имевшем место со мной, в действительности имел место в моем присутствии во время допроса 28 октября с. г. американским подполковником Хинкелем обвиняемого Франка. По окончании допроса Франк действительно обозвал Хинкеля свиньей...

Докладывая об изложенном, я считаю, что в данном случае правительственные органы были дезинформированы о действительной обстановке, в которой протекали допросы обвиняемых.

Я прошу назначить специальное расследование для установления виновных в подобной дезинформации и привлечь их к строгой ответственности. Вместе с тем я прошу пресечь различного рода кривотолки в связи с производившимися допросами обвиняемых, так как все это создает нездоровую обстановку и мешает дальнейшей работе».

И Александрова оставили в покое.

Рассказывают, что Сталин, читая стенограммы, выразил неудовольствие: почему это обвинители всякий раз в конце допроса благодарят обвиняемых — кто они такие, чтобы их благодарить? Можно себе представить, как реагировал он на демарши Зайдля...

Кто же они, «наши люди» в Нюрнберге?

Среди членов советской официальной делегации выделялась своими специфическими функциями группа полковника М. Т. Лихачева, в которую кроме самого полковника входили капитан П. И. Гришаев и старший лейтенант Б. А. Соловов. Восстановить полную картину дея-

тельности группы Лихачева в Нюрнберге сегодня вряд ли возможно. Но кое-какие детали нам известны из неопубликованных записок переводчика следственной части О. Г. Свидовской (ныне Табачникова). Так, например, Лихачев непосредственно руководил секретной доставкой Паулюса. Однажды объявил Ольге Григорьевне благодарность от имени Сталина. Еще один красноречивый факт — покушение на Лихачева. Обратимся к рукописи Свидовской:

«Многие вечера мы проводили в ресторане «Гранд-отель». Отель был сильно разрушен американскими бомбежками. Одна его часть, более или менее восстановленная и ярко освещенная, вмещала холл с вращающейся дверью и ресторан, где полуголодные немцы развлекали союзников, как могли. Зрелище было жалкое, но деться было, в сущности, некуда. Однажды мы — Лихачев, Гришаев, Соловов и я — собирались отправиться в «Гранд-отель» как обычно, но затем что-то изменилось. Лихачев поехать не смог. Я осталась дома.

Группа Лихачева ездила по Нюрнбергу в очень броской машине. Это был белый с черным «хорьх», обитый внутри красной кожей. Второй такой не было. Говорили, что «хорьх» получен прямо из гаража Гитлера. Как правило, Лихачев сидел справа от шофера...

Гришаев и Соловов вышли из машины и вошли в отель. Через минуту правая дверца открылась, и в Бубена (фамилия водителя.— *В. А.*), выстрелили в упор. Я думаю, что стреляли в Лихачева, считая, что он еще сидит на своем обычном месте. За рядом стоявших машин видно было плохо. Стрелявший скрылся. Бубен успел сказать: «Американец подстрелил». Борис Соловов утверждает, что американцы прекрасно знали, что из себя представляла так называемая «группа Лихачева».

Переводчик-синхронист Елизавета Ефимовна Стенина-Щемелева излагает эпизод несколько иначе: по ее словам, смертельно раненный Бубен вошел в эту самую вертящуюся дверь и здесь, выкрикнув: «А еще союзники!» — упал *.

По словам другой советской переводчицы — Розы Борисовны Литвак, никаких прямых обязанностей, связанных с процессом, у группы Лихачева не было. Лихачев, правда, числился следователем и в этом качестве вел предварительные допросы Франка. О том, как он это делал, рассказывает опять-таки О. Г. Свидовская: «Лихачев строго следовал порядку вопросов, написанных на бумаге. Меня это поразило. Мне казалось, что следователь должен быть более свободным... Короче говоря, лихачевский допрос не показался мне высокопрофессиональным и талантливым».

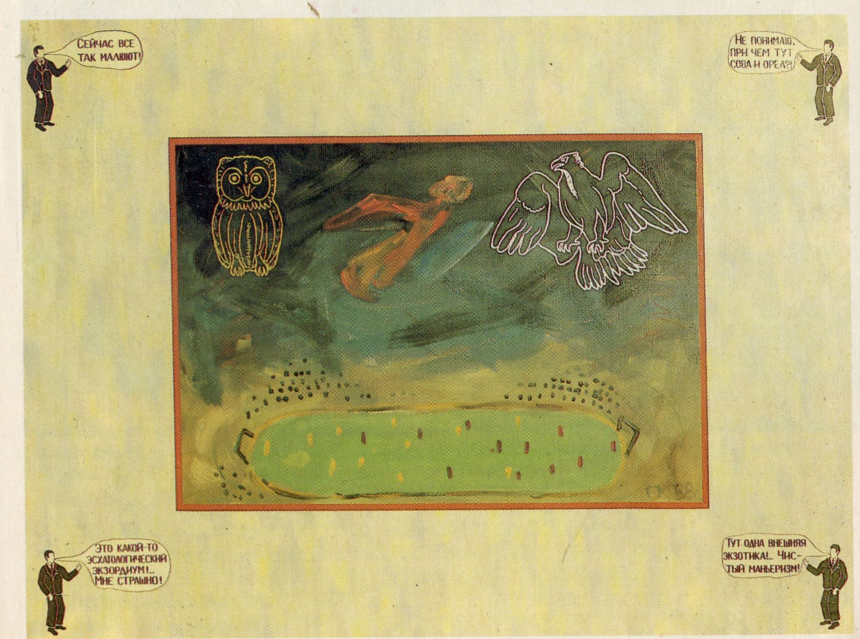
Ольга Григорьевна не совсем права: допрашивать Лихачев умел, только занимался он этим на Лубянке, где, понятно, применялись иные методы. Карьера Лихачева оборвалась в 1953 году: вместе с Абакумо-

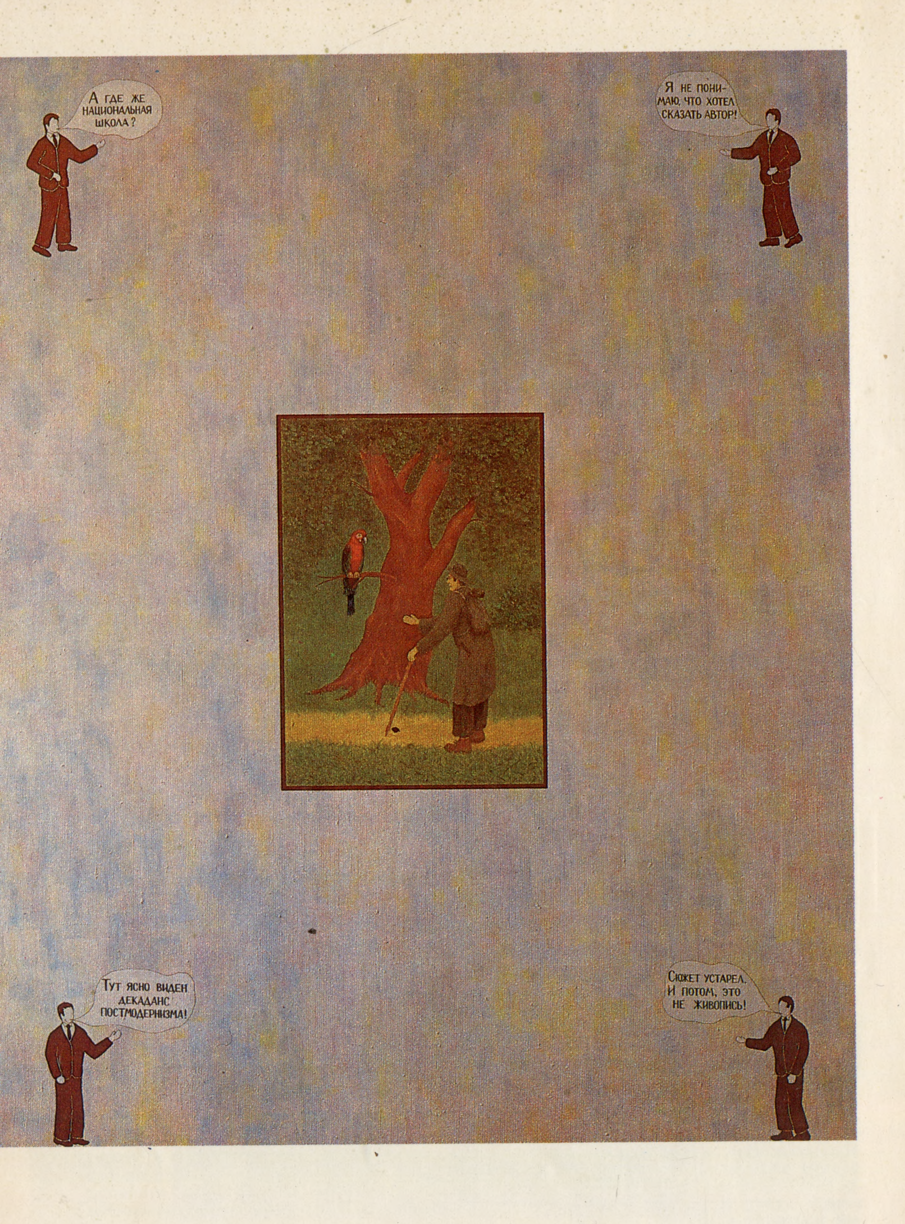
---

* Водитель Бубен был убит 8 декабря 1945 года (см.: Правда. 12 декабря). 10 декабря Роберт Джексон направил Р. Руденко по этому поводу письмо, в котором, в частности, писал: «Я глубоко сожалею о случившемся и выражаю свое соболезнование от имени своего аппарата и организации, и я считаю себя вправе принести Вам заранее выражение сожаления о случившемся от имени моего правительства. Как Вам известно, вопросы безопасности находятся в руках армии США, и я уверен, что будет предпринято все возможное, чтобы установить виновного в случившемся и наказать его». Виновный, однако, установлен не был. Эпизод этот изложен в книге Рагинского, но неточно. Вместо «Бубен» Рагинский пишет «Бубенко», вместо «Гранд-отель» — «Континенталь; сам факт убийства он никак не комментирует, зато сообщает, что «весьма охочие до сенсаций журналисты поспешили оповестить публику, что произошло покушение на главу советского обвинения Руденко».

Футбол под знаком золотой совы и серебряного орла

Слепой просит милостыню у попугая

вым, Рюминым и Шварцманом он был расстрелян за фабрикацию следственных материалов.

Ясно, что деятельность Лихачева должна была иметь конкретные результаты. О пресечении лихачевской группой козней империалистических спецслужб нам ничего не известно, зато известно о доносе на Александрова. Вполне вероятно, что автором рапорта Кобулову был если не сам Лихачев, то кто-то из его команды. Вспомним, как, уткнувшись в вопросник, допрашивал он Франка.

Совсем другое дело Александров: по общему признанию, он был умен, талантлив, артистичен, он работал так, как не во всяком кино увидишь, некогда и незачем ему было «парировать антисоветские выпады», не на диспуте, да и не в антисоветизме же обвинялись нацистские главари.

Успехи Лихачева, судя по всему, оказались не столь впечатляющими. А ведь он — один из лучших следователей МГБ, матерых «врагов народа» элементарно разоблачал. Чего уж, казалось бы, проще — «оформить» военных преступников, против которых горы доказательств. Но для суда, организованного по всем правилам состязательности, требовалось не умение «оформлять», а умение работать: профессионально, юридически грамотно. Лихачев же изо всех сил парировал «выпады». Не до допросов было. Но для хозяев Лубянки выпады как раз, пожалуй, и были самым страшным преступлением (не фашистские концлагеря же!)

Говорят, много лет спустя, прочитав протокол, где Кобулов цитирует донесение своих агентов, Александров рассмеялся. Что же, он был человек жизнерадостный. Смеем, однако, предположить, что в ту минуту, когда пришлось оправдываться, ему было не до смеха.

Все это произошло в самом начале процесса. В ходе же его хлопот у Лихачева значительно прибавилось. Москва имела сколько угодно поводов для недовольства — те же хотя бы небрежно оформленные показания Паулюса или многочисленные ходатайства защиты о вызове свидетелей и приобщении документов, которые советскому обвинению далеко не всегда удавалось опротестовать (в одном из них — по делу преступной организации СА — фигурировала даже книга опального Н. Крыленко «Суд и право»). Предметом же особой озабоченности были, конечно, «вопросы, подлежащие устранению».

9 мая по случаю первой годовщины Победы К. П. Горшенин от имени коллектива направил приветственную телеграмму Сталину.

«Коллектив работников советской части Международного военного трибунала,— писал он,— шлет Вам, творцу исторических побед советского народа над темными силами фашизма, свой пламенный привет. Собравшись вместе здесь вдали от нашей любимой родины в великий день нашей победы над врагом, мы с огромной радостью провозглашаем здравицу самому родному и близкому человеку, Великому вождю и учителю товарищу Сталину... Мы желаем Вам, наш любимый вождь и учитель, многих лет жизни и здоровья на благо нашей Великой Родины, которую Вы так блестяще ведете от победы к победе».

Несмотря на приподнятый тон послания, настроение у главы советской делегации никак не могло быть лучезарным, ибо инцидент с документами, представленными Зайдлем, был в самом разгаре и Сталин, несомненно, знал о нем.

Встретив решительный афронт советского обвинения, Зайдль вовсе не отказался от своего замысла. Он снова встретился с Фридрихом Гау-

сом, предъявил ему фотокопии и получил второй аффидевит (письменное показание, данное под присягой.— *В. А.*), подтверждающий достоверность текстов. Аффидевит, однако, застрял в бюро переводов, и в решающий момент Зайдль опять-таки не мог предъявить суду ничего, кроме уже отвергнутых фотокопий. Правда, на этот раз они были собственноручно заверены Гаусом.

На вечернем заседании 21 мая на вопросы Зайдля отвечал бывший статс-секретарь германского МИДа Эрих фон Вайцзеккер.

«ЗАЙДЛЬ: Г-н свидетель, 23 августа 1939 года был подписан пакт о ненападении между Советским Союзом и Германией. Были ли в этот день заключены другие соглашения между этими правительствами помимо этого пакта о ненападении?

(К микрофону подходит представитель советского обвинения генерал Руденко.)

РУДЕНКО: Г-н председатель, свидетель вызван по определенным вопросам, которые изложены в ходатайстве защитника Зиммерса. Я считаю, что данный вопрос, который сейчас ставится со стороны защитника Зайдля, никакого отношения к рассматриваемому делу не имеет, и я полагаю, что он должен быть отведен.

(Пауза. Члены трибунала совещаются.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Д-р Зайдль, вы можете задать тот вопрос, какой вы хотели.

ЗАЙДЛЬ: Я еще раз спрашиваю вас, г-н Вайцзеккер, были ли 23 августа 1939 года заключены между этими двумя правительствами другие соглашения, которые не содержатся в пакте о ненападении?

ВАЙЦЗЕККЕР: Да.

. . . .

ЗАЙДЛЬ: У меня в руках находится текст, относительно которого посол Гаус почти что не сомневается, что он правильно передает содержание этих соглашений. Я покажу вам этот текст.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Одну минуту. Какой документ вы сейчас ему представляете?.. Это тот документ, который вы представляли Трибуналу и который Трибунал отклонил? Это тот самый документ?

ЗАЙДЛЬ: Это тот самый документ, который я представил Трибуналу вместе с другими документальными доказательствами, который был отклонен Трибуналом как документ, и я предполагаю, что он был отклонен потому, что я отказался указать происхождение этого документа. Но Трибунал разрешил представить новое письменное показание Гауса по этому вопросу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но ведь вы этого не сделали? Вы этого не сделали.

ЗАЙДЛЬ: Нет, но я теперь для освежения памяти свидетеля хочу в рамках допроса свидетеля зачитать этот текст и затем спросить его, помнит ли он, правильно ли переданы в этом документе эти тайные соглашения.

РУДЕНКО: Я хотел бы, господа судьи, заявить протест против этих вопросов по двум основаниям: прежде всего, мы рассматриваем дело о преступлениях главных немецких преступников, а не исследуем внешнеполитические вопросы государств. Во-вторых, документ, который пытается защитник Зайдль предъявить свидетелю, отклонен Трибуналом, так как он является, по существу, документом-фальшивкой и не может быть документом, имеющим силу доказательства».

Следуют новые препирательства. Председатель ставит вопрос о происхождении документа. Зайдль отвечает, что получил этот документ несколько недель тому назад «от человека, который кажется мне надежным и принадлежит к кругу союзников», однако при условии, «что я не укажу более точное происхождение его, и это кажется мне вполне разумным». Американский обвинитель Додд присоединяется к возражению генерала Руденко. Председатель разрешает Зайдлю «спросить свидетеля, что он вообще помнит о договоре, не представляя ему этого документа». Вайцзеккер подробно пересказывает содержание документа. Предварительно осведомившись, узнал ли бы свидетель копию документа, и, получив утвердительный ответ, председатель прерывает заседание. После перерыва он оглашает решение суда: «Принимая во внимание тот факт, что содержание подлинника было рассказано данным свидетелем и другими свидетелями и что неясно, каков источник, из которого получен документ, находящийся у д-ра Зайдля, Трибунал решил не представлять этого документа свидетелю».

«Бомба» не взорвалась. Или взорвалась?

В бумагах главного советского обвинителя сохранилось удостоверение, выданное Ю. В. Покровскому в том, что он «следует в гор. Лейпциг для передачи военным властям Советской зоны тела помощника Главного обвинителя от СССР Зоря Н. Д., скончавшегося в Нюрнберге при несчастном случае». Удостоверение датировано 24 мая 1946 года. Между тем расследование по факту смерти было прекращено производством лишь 28 мая. Мало того: дело Зори, хранящееся ныне в Прокуратуре СССР, имеет недвусмысленный титул — «Расследование случая самоубийства».

По словам Свидовской, Лихачев на ее расспросы о причинах смерти Зори ответил одной фразой: «Он запутался и испугался».

В чем запутался? Чего испугался?

Итак, 21 мая свидетель Вайцзеккер подробно изложил содержание так называемого «секретного дополнительного протокола» к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. 22 мая текст протокола был опубликован американской газетой «Сент-Луис пост диспэтч». 23 мая генерал-майор Зоря трагически погиб.

21—22—23. Таковы факты.

Еще раз, с самого начала.

Не подлежит сомнению, что советское руководство испытывало некоторую неловкость в связи с предвоенным потеплением в советско-германских отношениях. Советскому обвинению не удалось блокировать усилия защиты: содержание московских переговоров было предано гласности, попало в официальные стенограммы МВТ. Реакцию Сталина угадать нетрудно. Оставалось одно: «разоблачить врага», в противном случае гнев вождя обрушился бы и на юристов, и на команду Лихачева.

Москву не удовлетворил бы явный «стрелочник». Генерал, помощник главного обвинителя,— это в самый раз.

Далее. Мы уже говорили о спайке представителей советского обвинения: все там были свои. Все, кроме Зори.

Он же летал в Лондон за инструкциями Молотова. Он же встречался с Зайдлем.

Круг замкнулся.

У нас нет ни единого документа, который пролил бы хоть малейший свет на последний день жизни генерала Зори. Заседала ли в этот

день комиссия Вышинского? Чем занимался полковник Лихачев? Какие донесения отправлены в Москву и какие распоряжения получены оттуда? Ничего неизвестно. Но так или иначе Зоря знал, что круг замкнулся и апеллировать не к кому. Бессмысленно, попав под колесо истории, взывать к справедливости. Похоже, Николай Дмитриевич нашел единственно возможный выход.

Осталось процитировать последний документ. Его автор — бывший военный прокурор Лейпцига Д. М. Резниченко. Вот что он пишет Зоре-младшему о дальнейших печальных обстоятельствах:

«К сожалению, подробности этого трагического события сообщить не могу, так как я в это время находился на лечении в Чехословакии в санатории «Империал» в гор. Карлсбаде. На похоронах присутствовала моя жена Екатерина Петровна. С ее слов опишу Вам, как происходили похороны. В мае 1946 года, точно числа не помню, позвонили из приемной Сталина — это было в 20 часов, ко мне на квартиру в гор. Лейпциг, так как у нас был прямой провод. В прокуратуре в это время уже никого не было. Из приемной передали указание к утру сделать цинковый гроб, в котором отправить Вашего отца для похорон в гор. Москву. Указание было выполнено в срок, и Ваш отец в нем отправлялся в аэропорт, но, в который аэропорт, жена не помнит. В это время погода не позволяла вылет самолета в течение трех часов, а в это время из приемной Сталина поступило новое распоряжение — похоронить на месте. Что и было сделано. Но на каком кладбище похоронен Ваш отец, жена не помнит. Перед похоронами и в период подготовки никакой экспертизы не производилось. На могиле никакой надписи сделано не было».

Добавим, что в документах о захоронении генерал-майор Зоря числится рядовым.

30 мая в Нюрнберге состоялось заседание комитета обвинителей, на котором обсуждался вопрос о ходатайствах защитника Зайдля. Руденко заявил, что «эти ходатайства являются злостными попытками внести раскол в среду обвинения»; Максуэлл-Файф и Додд поддержали его. 1 июня трибуналу было направлено письмо от имени всех четырех главных обвинителей с резким протестом против удовлетворения ходатайств Зайдля.

Автор выражает искреннюю признательность А. С. Вайсману, сообщившему ряд важных подробностей и предоставившему собственные переводы фрагментов книги Д. Хайдекера и И. Лееба, О. Г. Табачниковой (Свидовской), Р. Б. Литвак, Е. Е. Щемелевой Стениной), поделившимся своими воспоминаниями, Н. С. Лебедевой, указавшей необходимые архивные шифры, а также Ю. Н. Зоре, предоставившему документы из семейного архива.

Абрам Терц (Андрей Синявский)

СПОКОЙНОЙ НОЧИ

Фрагменты романа

Андрей Донатович Синявский был одной из самых примечательных фигур нашей литературной жизни 60-х годов. Едва вернувшись из армии, после войны, он поступил на филологический факультет МГУ, а закончив, был сразу приглашен читать в нем лекции студентам (1953—1957). С 1958 года и вплоть до его ареста в 1965-м он преподавал в школе-студии МХАТа, и опять на его лекции сбегалось пол-Москвы...

Арест Синявского пришелся на то время, когда он был уже известным ученым, сотрудником Института мировой литературы имени Горького АН СССР и набиравшим блеск критиком, печатавшимся в «Новом мире» А. Т. Твардовского. Непосредственно перед его арестом вышел в свет долгожданный «синий» Пастернак — стихи Б. Пастернака в большой серии «Библиотека поэта», которому была предпослана вступительная статья А. Д. Синявского, одобренная, как знали мы из ходившего по рукам письма поэта, самим Б. Л. Пастернаком.

Вот почему такой шок у нас, работавших рядом с Синявским, дружививших с ним, покоренных обаянием его таланта, вызвал этот арест. Но и на процессе, в экстремальной ситуации он остался человеком независимого ума, редкой духовной силы и собранности. Его судили за критическое отношение к советской действительности, за факт публикации на Западе, за псевдоним, казавшийся вызовом,— Абрам Терц. Вопреки всем нормам уголовного права и неписаным, но вечным законам морали его судили за слово. Он не признал себя виновным и получил строгий приговор: семь лет в мордовских лагерях.

Вернувшись в Москву через шесть лет, Синявский попал в социальный климат застоя. Ему не было места в этой жизни. Отъезд на Запад был вынужденным (1973). Он принес славу, но не принес покоя.

Сегодня Синявский — профессор Сорбонны, где он читает лекции по русский литературе XX века. Его наперебой приглашают университеты и симпозиумы Америки и западных стран. Синявский вошел в сознание западного читателя как писатель Абрам Терц после повестей «Суд идет», «Любимов», рассказов. Уже находясь в эмиграции, он написал «Голос из хора», «Прогулки с Пушкиным» (обе — в виде писем из лагеря), «В тени Гоголя» и много других книг. В 1984 году в печати появился его автобиографический роман «Спокойной ночи».

«Спокойной ночи» — это книга о духовных исканиях русского человека XX столетия, о созревании его личности, его духовной независимости, об обретении личной свободы и дорогой цены, которую за это пришлось заплатить. В романе сохранены реальные имена и события. Он написан методом фантастического реализма, вобравшего в себя опыт мирового искусства нашего века. Еще раз понимаешь, какой замечательный писатель был лишен у нас интеллектуальной и личной свободы и вытеснен в эмиграцию.

Г. БЕЛАЯ

Вы слышали аплодисменты судебному приговору, вынесенному вам и над вами? Когда зал весело, остервенело, разваливаясь до потолка, рукоплещет обвинению, погребающему вас, жалкого человека, которого сейчас, в исполнение закона, под стражей выведут из зала суда, но пока еще не вывели, не увели и вы живы, зал в знак солидарности с наказанием барабанит от полноты живота, еще и еще раз прощаясь с вами залпами рукоплесканий в лицо, радуясь, что вас замели и присудили справедливо — к пяти годам, к семи, к пятнадцати, к высшей мере — и вам от ответственности уже не отвертеться. Каким бы ни были вы в данную минуту преступником, какие бы прегрешения за вами ни значились, вы порадуетесь, уверяю вас, вы порадуетесь, содрогаясь в душе, что существуют еще люди хуже, чем вы думали, ниже по сравнению с вами,— если смеют так откровенно, по-человечески чистосердечно, праздновать чужое несчастье. Пройдя тот урок, я понял — понял и перенял — презрение казнимых к казнителям. Последние, не ведая того, перекладывают на себя приговор, отмеренный бедному грешнику: с больной головы на здоровую. История, быть может, только потому и продолжает развиваться, что мы без зазрения совести посылаем с эшафота депеши в будущее, все дальше и дальше приветственными жертвами...

И вы заговорите, вы мысленно заговорите о себе в третьем лице, кожей ящерицы, искупавшись в чаше Суда, почуяв себя очищенным, а это они, аплодируя сдуру, вышли в лидеры, в убийцы, без цели и корысти, ради сомнительной славы вываливания на прилавок собственных оголтелых кишок. В чаше рукоплесканий, единственным порывом души, обвиняемый постигает, что все, что ему наматывают, он сделал правильно и недаром, и так им и надо. Поэтому, между прочим, теперь я сторонник смертной казни: так им и надо!

Громче всех работал ладонями, сидя в первом ряду, Леонид Соболев, писательский босс (я узнал по фотографиям его отечное, с кровью, лицо), написавший «Капитальный ремонт» и пустивший ко дну доносами не одну, говорят, эскадру. Сейчас эта наша плавучая литературная Цусима, не умещаясь в креслах, тряслась в предсмертном ожирении сердца, улыбаясь — не до ушей, до плечей, до расставленных по-бабьи ляжек. Эластичные, кокосового цвета, как перчатки боксера, щеки ходили ходуном, вперемежку с ладошами. И я радовался за Соболева, что старая квашня так наглядно и щедро оправдывает убытки, принесенные русскому военно-морскому флоту, которые, в итоге, тоже войдут в водоизмещение...

...Но это я теперь так спокойно рассуждаю, входя в эмоции хлопающих, которых, в конце концов, тоже можно понять. А тогда? Тогда, все предугадав, все заранее, казалось, измерив разгоряченным воображением, я пасовал при мысли, слишком приближенной к нам и потому невыносимой. Как смеют эти миряне, да будь мы с Даниэлем, в их головах, пособниками самого Сатаны, предаваться на глазах у нас, не таясь, кровосмесительной оргии? А ведь знал же я варианты куда более страшные. Знал расстрелы 30-х годов. И как рукоплескали писатели, включая самых гуманных: Фейхтвангер, Драйзер... А врачи-убийцы?.. Я вырос на этих врачах!.. А...

— Что ж ты из себя целку строишь? — неожиданно и как-то цинически спросил Абрам Терц.— Так им и надо! Пусть пируют! Любуйся! Ты к этому привык. Ты к этому стремился, готовился — как к последнему утолению в жизни. Сам накаркал: фантастика!..

— Да, да,— отвечал я в рассеянности, жадно высматривая, что творилось в зале и отдергиваясь, как от ожога.— Да, правда, я писал... Но кто же думал, что это настолько реально? Чтобы люди так оголялись? Непорядочно...

Аплодисменты не смолкали. Аплодисменты наращивались. Зал, рукоплеща, испражнялся в негодовании — мне в поддержку, в отмщение, что все, что я написал, я написал правильно и даже мало. Закрадывалось, еще мгновение — и сам я зайдусь в овациях по поводу адекватного надо мной и Даниэлем суда. По отношению к человечеству. К жизни, наконец. И вообще... Действительность, как это бывает иногда, перебарщивала с гиперболами, напоминая не в первый раз, чем следует от нее при случае обороняться...

— К человечеству?.. Непорядочно?..— шипел Абрам Терц.— Но разве не ты писал, черт тебя возьми, что с человеком давно покончено? Не ты ли перекрестил человека рукою черта?..

Он намекал на рассказ «Квартиранты», мерзавец. Там я очернил, говорят, честных советских людей, сравнив с нечистой силой...

— Но я не могу понять — как они могут?.. Слышишь? — опять аплодируют!..

— А как же — гладиаторы?..

При чем тут гладиаторы?.. Я был озадачен. Лишь много после, в лагере, до меня дошло: роман Джованьоли «Спартак», читанный в раннем детстве. Помните, читая роман «Спартак», мы были за рабов и ужасались римскому праву поворачивать книзу большой палец руки, чтобы там, на арене, добили побежденного? И мы дивились — как они могут?! А они — могли. У них текла между тем своя, нормальная, римская жизнь, ничуть не хуже нашей, и был заведен порядок, убивать или не убивать проигравших, повернув большой палец туда или сюда, в зависимости от изъявления, если публика попросит. И публика, если хотела, просила. Это было демократично. А рабы? Подумаешь! Раб Эзоп. Платона тоже, судя по слухам, кто-то продал в рабство и купил, допустим, коня... Покуда знатный торговец из дальнего города Риги, командированный в Мордовию, на студебеккере, за товаром (мы делали автомобильные пальцы), за хорошую погрузку, узнав, что я тот самый, пропечатанный в газете, писатель Синявский, не сунул втихаря, гордясь и конфузясь, мне пачку папиросок «Прибой»,— я не подозревал, какой я писатель и в котором мы встретились веке, покуда, тоже гордясь, не спрятал папиросы за пазуху.

История расплывается за нашей спиной и становится расплывчатой. Будто ее и нет, и не было никогда. Мы в историю не очень-то верим: чтобы настолько серьезно?! «Но это же — история!» — сказал с удивлением следователь Пахомов, словно про какую-то басню, когда я ему напомнил что-то из Римской империи, которая тоже, несмотря ни на что, развалилась... И впрямь при чем тут история, если мы не умерли? Точно так же, со временем, она отменит и нас. Мы войдем в нее беспризорными, призрачными контурами: разве это реально, возможно? Какие рабы? Почему гладиаторы? Но все это я потом оценил. И зал суда, и судью Смирнова, и Пахомова, и генерала Громова, грозу Дубровлага, приблизивших меня, крупицу, к пониманию всемирной картины, с которой мы при всех стараниях, как выяснилось, не порвали и не ушли далеко от романа Джованьоли «Спартак», от старика Октавиана. Доколе крыло истории не коснулось тебя острым крылом ласточки, ты и не поймешь никогда, насколько она касательна, насколько она крылата, история, с пачкой «Прибоя» в загашнике, если нечего курить, и нет границ между нами, две тысячи лет пролегло с тех пор или четыре года...

* * *

Боже, как раскалывается голова! Громов, командарм над мордовскими лагерями, чье имя, внушая ужас, ложилось шаром в историю, генерал Громов, начинавший с собаковода в тех же лесных завалах, стрелявший зэков, как собак,— когда умер Сталин и тысячные зоны скандировали, наводя тоску на окрестности: «Ус-сдох! Ус-сдох! — с выдохом на «сдох», как искусственное дыхание, раскатывая по лесам и болотам: — Ус-сдох! Ус-сдох!» — а следом, эхом, в газетах, расстреляли Берию и гигант-материк генерал Дубровлаг зашатался,— Громов торжественно, как на параде, при всех регалиях, гордый, громадный, уже полковник, красивый, так что жалко убивать, вышел на эстраду. Вокруг кипело бушлатное море, но, судя по всему, он знал, как себя поставить:

— Товарищи!

Лагерь замер. Неужели не ослышались? Неужто все прощено, все отпущено, товарищи, и мы вернемся назад, по домам, на родину, к исходной точке? Случалось. Товарищ Сталин тоже однажды вспомнил: «Братья и сестры!» — тоже в трудную, в критическую для страны минуту. Шкурой собаковода учуяв, что иначе не проживешь и ничего не остается в запасе, как сослаться на былое родство, начальник Дубровлага воззвал:

— Товарищи!..

Пес! Давно ли на оговорку новичка-арестанта: «товарищ старшина», «товарищ лейтенант», «товарищ полковник» — Громов огрызался и хорошо, что не стрелял: «Брянский волк тебе товарищ!»? Давно ли отец мой, в Бутырках, женщине-врачу, тоже в возрасте, по советской размазне и либеральной закваске, пожаловался: «Товарищ доктор! Плохо с сердцем...»? И та, бронзовея лицом, по-женски выпрямляясь, отрезала: «Вам я не товарищ!..» Как они боялись запачкаться!.. И вдруг — как в детстве, как «власть Советам»:

— Товарищи!

Так ведь и правда! Так ведь же ж и революция с этого начиналась. Разменявшая царя, господ, генералов на равных, по-братски, «товарищей»... Врешь! В лагере, в наше время, мы звали уже себя «господами». Без дураков — господами! Мистер, пан, сэр, сударь, браток, земляк,— что хотите, лишь бы — не товарищ! Пусть сами хлебают своих товарищей. С нас хватит. Брянский волк вам товарищ!

Но тогда, о чем я сейчас рассказываю, шел еще ранний, шел еще только самый первый, 1953-й год, и лагерь замер:

— Товарищи! Перед вами Громов...

«Громов», «Громов» — гремело по лагерям. Да кто его не знал, кто его не помнил, удава?! Он выставил грудь, полную орденов, словно предлагая стрелять. Видно, после Берии крепко, змей, перебздел и сам рискнул повернуть:

— Перед вами Громов! Громов! Тот самый Громов, который вас истязал, товарищи,— да, истязал! — по указке преступной банды Рюмина — Абакумова — Берии!..

Он выдержал долгую паузу, чтобы все осознали, на что у него повернулся язык.

— Но перед вами, товарищи, не тот Громов, которого вы знали вчера! Перед вами — другой Громов!..

Потом он клялся партбилетом, офицерской честью, жизнью дочери и чем-то еще, что это не повторится. И все заклинал: товарищи! Он — переживал. Он был, как мессия, в сиянии, но не выходил из себя. Он

знал, как звучит, сколько весит его имя, и от ранга не отступал. И говорил размеренно, твердо, властно, разом взяв на себя грехи и разом все искупая — товарищи!.. Он мог бы призвать в свидетели мертвецов — на том же основании, с тем же спокойствием... Товарищи, себе не веря, таращили глаза. Под прикрытием пулеметов он позволял себе немного покуражиться, а лагерь торжествовал. Лагерь запомнил речь полковника Громова. Многие годы она передавалась, как сказка, из уст в уста.

— Перед вами не тот Громов, которого вы знали вчера! Перед вами — другой Громов! — Ого-го! Другой Громов! Тот же Громов! Другой! — неслось по зонам.

Я видел Громова в той же Мордовии через шестнадцать лет после достопамятной речи, пересказанной старыми зэками. К моему времени он стал уже генералом. Красавец, в папахе, так что жалко убивать, он приказал согнать нас к эстраде и произнес громогласно, как бывало, потрясая кулаками:

— Погодите! Придет еще на вашу голову — Берия!..

И снова пошло, зашумело по лесам и болотам: Громов! Тот самый Громов! На нашу голову!..

Придет еще на вашу голову — Берия! — это сказал генерал Громов, начинавший с собаковода, приобщаясь к Римской империи...

— Хотите, на прощание я вам дам добрый совет? — спросил Пахомов, светлея лицом, словно о чем-то вспомнив.— Не как следователь КГБ. Просто как человек с известным жизненным опытом...

Я рад был его послушать. С тех пор как допросы кончились, он мне даже нравился или, точнее говоря, занимал с собственно психологической стороны, как человеческая природа всей этой особой и странной для меня разновидности существ, сделавших своею профессией уловление и защемление ближнего. Всегда интересно знать: что ест крокодил? Казалось, через него я постигну когда-нибудь и тайну власти, и загадку современной истории, общества, положившего делом жизни истребление жизни, личности, искусства, меня, в частности... В качестве же человека, индивидуального лица, которое я за ним всегда подозревал, он не возбуждал антипатии, и я не держал на него сердца. Просто мы с ним немного разошлись во мнениях... Пахомов рассмеялся:

— Вы уже насторожились? Да бросьте, Андрей Донатович, все время думать, что вас обманывают... Мой дружеский совет очень прост: сбрейте бороду. До отправки в лагерь сбрейте бороду. Рекомендую...

— А когда этап?

— Право, не знаю. Это же, сами понимаете,— вне моей компетенции...

Он сделал обычную свою, брезгливую гримасу, которую я уже заучил, означавшую, что тюремные порядки не имеют к нему касательства. Сопоставление с тюрьмой странным образом его коробило. Както, еще в начале нашего знакомства, он поинтересовался: «Вас, Андрей Донатович, наверное, т а м плохо кормят?..» — с сочувствием, понизив голос, выражая одновременно крайнее сожаление, что ничем решительно, при всем желании, не в силах мне помочь. Помнится, в раздражении, я осведомился: «Где это — т а м?» — «Ну-у,— помялся он вальяжно, избегая неприятного слова,— ну там, надзорсостав, персонал...» Стоило мне, однако, иронически усомниться, да возможно ли такое, чтобы он, следователь по особо важным делам, всю жизнь про-

работавший бок о бок с тюрьмой, вот здесь, за этой дверью, не ведал, как содержат арестованных, чем их кормят в его тюрьме, как он искренне обиделся. И это не было, уверяю вас, обыкновенным его, изо дня в день, должностным хамелеонством, к которому я тоже достаточно уже присмотрелся. Нет, это был взрыв живого негодования! Почему?! Какая связь?! Одно дело — тюрьма, другое — следователь. Это же разные вещи! У них и министерства разные — МВД и КГБ. У одних малиновые фуражки, у других голубые. Но главное — функции, функции несопоставимы! Неужто я думаю, что это он, Пахомов, здесь меня держит, стережет, плохо кормит? Что он меня арестовал? Что он, может быть, и прокурор, и суд, и тюрьма, и лагерь? Все — он?! Да у него узкая специальность — следователь! Конкретный отрезок. От сих — до сих. Меня послушать, так он, Пахомов,— и все наше государство, и печать, и общество!.. Он не ошибался. Что все это он, Пахомов,— я так и думал, между прочим, откровенно говоря. Только сам он об этом еще не знает. Однако, когда этап,— он знал. Точно знал!

— Как вы думаете, Виктор Александрович,— меня вместе с Даниэлем отправят? В одном вагоне, в один лагерь?

— Повторяю, я не в курсе. Но скорее всего — вместе. Надеюсь... И сбрейте бороду, мой совет. Сегодня же вечером. Попросите надзорсостав — они сделают. Будете как новенький...

— А куда?

— Тоже не знаю.

— На север? На восток?

— Скорее всего — не на север: по секрету, так уж и быть... Может, даже — на юг. Южнее — Москвы...

Он улыбнулся. И следователю кстати бывает сказать вам приятное.

— В Казахстан?

— Вот видите — вы какой! Вы хотите допытаться... Нет-нет, больше я ничего не скажу! Но бороду — снимите. И вам не к лицу... И потом, знаете, привяжутся... Воры, уголовники. Могут и поджечь. Поднесут, знаете, спичку — и вспыхнет. Как стог сена...

— Ну когда сожгут — тогда и сбрею. Успеется.

Следователь поскучнел. Заботился он обо мне или запугивал, чтобы сбить спесь? Сокамерника вот тоже тревожила моя борода. К чему лишний раз обращать на себя внимание?.. Могут изуродовать... Но как это ни смешно, снять бороду в тот момент казалось мне спуском флага.

Внешности своей, портрету, я значения не придавал. Плевать мне на какую-то бороду! Но уж очень они что-то старались, настаивали... Раскаяние? Измена себе? Потеря лица? Чего этот Пахомов, по важным делам, крутится вокруг бороды?.. Нет, сволочи! Не дамся. Короче, мало-помалу я становился уголовником, как сами они называли, злым и недоверчивым зэком, высчитывающим каждый шаг от обратного. Только от обратного!..

Да и то, пораскинуть мозгами, пройдет год, большой лагерный год, и к Даниэлю, на 11-м, подвалится заезжий чекист, к станку, в производственной зоне.

«Привет вам от Синявского! — скажет, внимательно поглядев, как Даниэль вытачивает какое-то, по норме, дерьмо.— Я только что из Сосновки, с первого лагпункта. Синявский просил кланяться...»

«Спасибо,— ответит, не поворачивая головы, Даниэль.— Что Синявский?»

«Нормально. Ничего. Здоров. Недавно побрился...»

«Как — побрился?!» — не поворачивая головы, Даниэль.

«Да вот так. Он теперь без бороды. Я сам его видел. Разговаривал. Вот привет вам привез...»

Стоит ли пояснять, что я и в глаза не видал этого хмыря? И бороды не брил. Далась им моя борода! И никакого привета с чекистом не посылал...

Расставаясь со мной, Пахомов, в последний раз, посоветовал:

— Ох, подожгут вам урки вашу лопату! И не идет вам совсем. Помяните мое слово!..

И взаправду, утром — этап. Все как полагается, как читали: овчарка, автоматчик. «Шаг вправо, шаг влево...» Ноги разъезжаются. Март. Со свежего воздуха я шатаюсь. Неужели действительно выстрелит, если, допустим, поскользнусь? Дальняя, тыльная сторона вокзала. Кажется, Казанский? Не разобрать. Черные человечки копошатся на шпалах. Светает. Скользко. Всаживают в поезд на каких-то интимных путях. Безлюдно. Пустой вагон. Голое железо. Через весь зарешеченный коридор, дальше, дальше, в передний отсек. Стоп. Тройник. Один. Столыпин. Полчаса не прошло, слышу топот, ругань, лязг, толпа, забивают арестантов в клети, по отсекам, не докатываясь до меня. Ах да — я же политический, опасный! А за мной, за перегородкой, по клеткам, вперемешку — блатные, урки, бытовики — навалом! Бедняги! Я, как барин, сижу один, в отдельном тройнике, чтобы не было эксцессов, наверное. Ловлю имена, голоса. По вагону — гогот, брань, перепалка... <...>

Мне как-то совестно в одном купе на троих... Трогаемся вроде. Куда? Я не верю Пахомову. На юг или на север? Не все ли одно? Едем. Кажется, едем. Не доводилось еще в вагоне без окон, где только по стуку колес успокаиваешься: едем!

Разносят кипяток. Хлеб, селедка. В зарешеченную дверь, ромбами, виден отрез коридора. Бегает конвой. Огрызается: кого в уборную? Меня, меня в уборную. Выводят. Спереди и позади по солдату. Руки назад! Не оборачиваться! Иду на оправку. Кошу глазом: слева, людской стеной, в зоопарке,— глаза, пальцы, носы. Не задерживаться! Быстрее! И вдруг — в затылок — призывным криком:

— Синявский! Синявский!

Не останавливаться! Шальная мысль: Даниэль? Юлька? Здесь? Его тоже везут? Кто другой узнáет меня? Нет, не его голос... С оправки. Кошу направо. Зэки, зэки и зэки — как сельди в бочке. Сзади — опять:

— Синявский!..

И — смех... Нет, не Даниэль! Но откуда? Кто?.. Камень на сердце. Догадываюсь: конвой разболтал. Либо специально подстроено. Хотят проучить, напугать. Пахомов предупреждал: подожгут. Сбывается...

Подходит начальник конвоя. Молодой, собранный. Точеный. Затвор от винтовки. Смотрит спокойно и холодно ко мне в клетку.

— Откуда,— спрашиваю,— у вас тут, в вагоне, знают меня по фамилии? Все документы — у вас. Никого ж не было, когда меня заводили. И вообще, никто меня никогда не видел. Почему окликают? Это вы им рассказали?..

Тот долго и мрачно, через решетку, покачиваясь, всматривается в меня. Вспоминает. И злобно, словно я Пугачев, чеканя:

— А тебя теперь все знают!

Лицо мраморное, прекрасное, как это в мраморе бывает, с розо-

выми прожилками, в сдержанной ненависти ко мне, которые, не дай Бог, нальются чуть более розовой кровью, и треснет мрамор, но белое покамест, как бюст. Из таких бы лиц высекать памятники легионерам конвойной службы, когда боец держит тебя на прицеле, а та рычит, та рвется с прицепки, но тот, усилием воли, ее осаживает назад, с непроницаемым, как у пьяного, лицом, в исполнение дисциплины, презрения и гордого довольства собой, что он тебя не убил, только смерил взглядом и, не удостоив внимания, цокая подковками, пошел дальше по вагону.

— А тебя теперь все знают!

Плохо мое дело. Ясно: конвой разболтал — кого везут и за что. Только вот куда и сколько еще ехать — неведомо...

Вечером или ночью — в темноте, в прожекторах не поймешь, который час,— выгружают. На сей раз — всех вместе, не разбираясь в мастях. Сбитой в загон отарой мы вертимся, мы теснимся на снегу, в прожекторах, наставленных в наше крошево.

— Где мы? — громко спрашиваю.

— В Потьме! Мордовская АССР! — отзывается рядом какой-то, должно быть, бытовичок.— Вы что — не узнаете? Раньше не бывали? Вы из какой тюрьмы будете, простите?..

— Из Лефортова.

Твердо — из Лефортова. Для меня Лефортово — марка. У меня отец еще сидел в Лефортове, и я ему деньги носил. Что ни месяц — 200 рублей, считая старыми деньгами. Для них — неизвестно еще, звучит ли это имя, означает ли что-нибудь? Но я — из Лефортова...

— Из Лефортова?! — разом откликнулось несколько голосов.— Смотрите — он из Лефортова! Один — из Лефортова! Где — из Лефортова?..

Когда я повторяю сейчас эти гордые знамена́ — «из Лефортова»,— я знаю, что говорю. И мне хочется, чтобы Лефортово оттиснулось на лбу режима не хуже, чем Лубянка, Бутырка, Таганка... Лефортово почиталось, между знатоками, особенной тюрьмой. За Лефортовом стлались легенды, таинственные истории... Будет время — я об этом расскажу. А пока:

— Я из Лефортова...

Смотрю, проталкиваются трое. Судя по всему — из серьезных. Независимо. Раскидывая взглядом толпу, которая раздается, как веер, хотя некуда тесниться.

— Вы из Лефортова?

— Из Лефортова.

— А вы в Лефортове случайно Даниэля или там Синявского — не видали?..

— Видал. Я — Синявский...

Стою, опираясь на ноги, жду удара. И происходит неладное. Вместо того чтобы бить, обнимают, жмут руки. Кто-то орет: «Качать Синявского!»... <...>

В большой, общей,— я никогда еще не видал таких больших и общих,— параше, куда вмещается разом пол-этапа, где мы будем спать рядами, строго на правом боку, чтобы уместиться на нарах и не дышать друг другу в лицо,— все проясняется. Народ грамотный, толковый. Рецидивисты. У одного четыре судимости. У другого — пять. Я один — интеллигент, «политик». Послезавтра, говорят, нас разведут, кого куда, по ветке, по лагпунктам, которых всего, считая по номерам, девятнадцать. И мы уже не встретимся, не пересечемся. Политических

с некоторых пор отделяют от уголовных. Чтобы не слилась, очевидно, вражеская агитация с естественной народной волной. Боятся идеи? Заразы? Им виднее. У них опыт позади — революция. Но куда еще идейнее, активнее добрых моих уголовников и кто из нас тут, не пойму, опасный агитатор? Каждый торопится выразить свое уважение. Еще бы — читали в газетах! большой человек в преступном мире! пахан!..

— По радио про вас передавали, Андрей Донатович!.. Я сам слышал!.. По радио!..

...В блатной среде ценится известность. Но есть и еще одно, что я уцепил тогда: вопреки! Вопреки газетам, тюрьме, правительству. Вопреки смыслу. Что меня поносили по радио, на собраниях и в печати — было для них почетом. Сподобился!.. А то, что обманным путем переправил на Запад, не винился, не кланялся перед судом,— вырастало меня, вообще, в какой-то неузнаваемый образ. Не человека. Не автора. Нет, скорее всего, в какого-то Вора с прописной, изобразительной буквы, как в старинных инкунабулах. И, признаться, это нравилось мне и льстило, как будто отвечая тому, что я задумал. Такой полноты славы я не испытывал никогда и никогда не испытаю. И лучшей критики на свои сочинения уже не заслужу и не услышу, увы...

* * *

...8 июня 1971 года, спустя без малого шесть лет после ареста, я возвращался домой, на свободу, в состоянии, пожалуй, не менее беспомощном и ошеломленном, нежели когда начиналось это цирковое турне. С женою, меня встречавшей у тюремных ворот, на станции Потьма, мы сели в мягкий вагон поезда «Челябинск — Москва», являя для окружающих вид забавной экзотической пары. На радостях, как пьяные, мы не обращали внимания на косые взгляды проводницы и скучающих пассажиров и, может быть, мстили невольно и немного бравировали не нами сюда занесенным классовым контрастом. Жена, еще довольно хорошенькая, живая, в очках, в розовых кофточках, в брюках европейского кроя, рисовалась изящной цветочной вазой рядом со мной, зачумленным стариком, пропахшим тяготой и бескормицей, в промасленных штанах (меня взяли с производства), в долгополом бушлате и зэковской, запакощенной, еще с немецких военнопленных, должно быть, введенной в униформу пилотке, с дурацким козырьком, за свою противоестественность снискавшей прозвание «пи́дерка». Два инженера в купе, в пижамах, игравшие в шахматы, приняли нас весьма благожелательно и помогли задвинуть в багажник самодельный деревянный сундук, громоздкий и неподъемный, если б не эти бицепсы. Однако мое вторжение в сочетании с молоденькой дамой раздразнило любопытство, и, едва жена побежала умываться, они кинули наживку:

— Сложно было с билетами на вашей станции?

Прозрачно звучало, что я тут не по чину, и, если б не перебои с билетами, не сидеть нам вместе в приятном обществе, в одном мягком купе. Но мне уже был сам черт не брат. Меня веселила прямота разговора на равных с этими ни хрена не понимавшими вольняшками. Покуривая «Лайнер», я тоже забросил крючок:

— Нет, не сложно. Нам вне очереди. Всем, кто выходит из лагеря, билеты вне очереди. Чтобы лишнего не задерживались... Из лагеря...

Это была правда. С Потьмы освобождавшихся старались побыстрее спровадить по месту надзора во избежание неприятностей. Случа-

лось, колеблясь и тоскуя перешагнуть заветный барьер, зэк по выходе немедленно напивался и держал возмутительные речи на станции во славу тех, кого он оставил за проволокой. Я видел, как мальчишка, окончивший срок, которого мы провожали глазами со штабелей железа и леса, не мог далеко отойти от вахты и порывался обратно, к воротам, откуда его, ругаясь, гнали надзиратели, и вновь ковылял к станции, садился на дорогу и плакал, а мы ему кричали со штабелей: «Иди! Двигай!» — и он вставал, пошатываясь, и крестил нас, и плакал, и снова, как помешавшийся, бежал назад к вахте... И вот меня спрашивают что-то невероятно бездарное на тему железнодорожных билетов, не тяжело ли, дескать, с билетами, и я уже предвкушал, что отвечу, как врежу, если они посмеют общение с темным типом, как я, ввалившимся прямо из лагеря.

— Из лагеря?! — как эхо, отозвались инженеры.

— Да, по всей этой ветке расположены лагеря. Разве не знаете?

И я повел рукою в окно на мимо бегущие густые леса, словно был тут старожилом.

— А что,— спросил один с уважительным состраданием, явно не желая меня обижать,— трудно на лесоповале?

Вид у меня действительно был довольно умученный. Или они пытались срочно сообразить что-то когда-то слышанное из прошлого нашей родины: лагерь, лесоповал?.. Я быстренько прикинул, как ликвидировать отсталость. Нашего брата на лесоповал давно уже не выводят. Работа — только в зоне. Для наилучшей изоляции. Категория «особо опасных государственных преступников»...

— Особо?! Опасные?! Государственные?! Преступники?!

— Ну да! Те самые, кого раньше называли «политическими»...

Они офонарели. Вот такие шары! Впервые видят. Мне-то, признаться, хотелось их задеть. Оскорбить. Пусть оглянутся. Но они не испугались. И мне тоже вдруг сделалось интересно: почему не испугались? что они знают о нас? о чем думают?..

Уже в поселке и на перроне, в ожидании поезда, я исподволь наблюдал это новое, неведомое мне племя выросших на свободе, на сытых харчах сограждан. В мое отсутствие многое в стране заметно переменилось. Молодые люди начали одеваться. В моду у мужчин, под влиянием Запада, входили женские локоны, усики разных фасонов и аккуратные баки. С прическами я мирился, усы откровенно приветствовал, но круглые, ровной котлеткой, бачки, словно пересаженные на размятую, как валенок, грядку с другого полуострова, меня бесили. В голове вертелась проблема: «Откуда на Руси повелись баки?» — и всплывали имена Чичикова, Манилова, Добчинского-Бобчинского,— должно быть, под впечатлением Гоголя, о котором я намеревался писать. Наши инженеры тоже были в бакенбардах...

— И долго вы пробыли в лагере?

— Нет, недолго. Пять лет девять месяцев.

Эхо подсказало, что это, по их понятиям, громадный срок.

— Вы, наверное, за религию?

На примете имелась, конечно, моя неприбранная борода. Они собеседовали со мной осторожно, деликатно — как со снежным человеком. Религия была в их глазах непролазной чертовщиной, что до некоторой степени отвечало моему загадочному появлению здесь. За религию каких-то сектантов, изуверов, дикарей, может, еще и судят.

— Нет, не за религию — за литературу.

— За литературу?!

На этом вернулась жена из умывальника, и разговор как-то сам собою увял. Литература оставалась для них за семью печатями. При чем тут литература? Литературу изучают в школе, печатают в журналах... Все это не умещалось в сознании наших славных попутчиков, и они непритворно начали зевать по сторонам, как малые ребята, когда им долго рассказываешь о чем-нибудь отвлеченном. Все мы теряем внимание к заведомо нереальным вещам.

Все-таки наблюдался прогресс. Не было брезгливого страха при виде «политического». Они не чурались, не презирали, не избегали меня. Сталинские порядки уплыли в область преданий, помнить о которых было не актуальным. Инженеры скорее сочувствовали мне, как человеку претерпевшему. За сочувствие теперь ничего не причиталось. Но дальше этой черты дело не пошло. Люди вполне современные, они были безучастны к тому, что не касалось действительности. Им было не до тюрьмы, не до художественной прозы... Да, что-то читали о судебных процессах, что-то мелькало в газете. Но какое все это имеет отношение к жизни, к столице, куда они устремлялись, полные рвения, по служебной командировке, из загвазданного Челябинска? Вот если бы я мог подсказать, где в Москве найти плащи болонья!.. Огромный лагерный мир, дымившийся у меня за плечами, для них не существовал...

Назавтра, приближаясь к Москве, мы уже не разговаривали. Соседи засуетились и перестали нас замечать, погруженные в чемоданы, галстуки, запонки, прицеливаясь к встрече с разборчивым московским начальством. Чтобы не отсвечивать, мы вышли с женой в коридор, к свободному боковому окошку. Мне тоже хотелось — без посторонних — свидеться с Москвой.

Странно, сколько раз, да и всякий год, в прошлом, подъезжая к ней, я испытывал подъем и восторг при одном лишь беглом прочтении на стендах ее незамысловатых предместий — Удельная, Тайнинская, Мытищи, Вешняки, и стоило уехать на месяц, как мне уже не терпелось, горело, воображалось, что вот она скоро объявится за железным полотном и жарко охватит — Москва! Сейчас, прильнув к стеклу, я внимательно изучал нараставшие по ходу поезда горы знакомого придорожного хлама, всю эту, ничего не говорящую сердцу, кипяченую смесь дачных декораций из оперы «Золотой петушок», водокачек, составов, цистерн и станционных полигонов, усеянных репейником ржавых заграждений. Родина с грохотом обрушивалась на мою стриженную под машинку, незащищенную голову, заставляя с непривычки отшатываться, как от пощечины, когда на внезапных стыках разбежавшихся железнодорожных путей вклинивались с разгона в окно вагона семафор, колонка или крашеная нога высоковольтной передачи.

«Нá тебе! Нá! Получай! В челюсть! Под ложечку! Снова в челюсть! В глаз! По башке! Семафор! Терракотовый пояс! Колонка! Под дых! Платформа! Ты еще пялишься, падаль?! В ухо! В зубы! В глупую, в обращенную в кровь морду! В воющий рот! Семафор! Еще раз в зубы! Столб!! И сплошным обвалом беспамятства — в хрусте костей — кромешная темь тоннеля...»

Я зажмурился, покачнулся... Уф! Мы вылетели из-под земли.

Давно, в послевоенные годы, мне снилось несколько раз, подряд, что Москва захвачена немцами. Удивительное чувство: ты виден как на ладони. И в закрученных, как раковина уха, переулках, в проходных дворах, обеганных с детства, за помойками, с черного хода,— уже не укроешься: найдут! Похожее превращение родной скворешни в Берлин

я сейчас наблюдал воочию... Нет, Москва была не виновата, что процесс моего отщепенства зашел так далеко. Да и мысли мои нисколько не изменились: я попал в тюрьму зрелым уже человеком. Изменилось ко мне отношение мира, в котором я некогда жил, возвращенного, казалось, с довеском, с угрозой — как бомба замедленного действия. Может быть, оттого, что меня освободили досрочно, без предупреждений, как взяли, и я не успел настроиться на другой порядок вещей, свобода мне давалась с трудом. Ах как бы пригодилась теперь шапка-невидимка, добрая маска Абрама Терца! Но мой напарник был разоблачен. Шапка — конфискована...

Подмосковные павильоны вставали оцеплением и вышками новой зоны. Все было предусмотрено к принятию этапа в составе одного арестанта, к непрошеному моему визиту в стольный город, расставивший свои рогатки и транспаранты за сорок километров до собственного порога. Я-то знал назубок эту бойкую замашку Москвы все, на что ни ляжет глаз, метить своими когтями. Но то, что раньше забавляло и будоражило меня, ныне внушало затаиваться и держать ухо востро перед этим зверем, напуская на себя если не презрение, то такое же холодное, хищное безразличие, с каким он заглатывал нас своей каменной пастью. Вот уже пошли плясать шестиэтажные корпуса с новомодными низкорослыми окнами, с бетонированными балконами, похожими больше на камерные намордники. Стрельнула глазами реклама универмага, проехал первый трамвай, и в то же мгновение грянула по вагонам молчавшая дотоле в тамбуре радиола: «Нас утро встречает прохладой!..» А в лицо била с радиоточек вокзала другая, встречная песня: «Кипучая, могучая, никем не победимая...» Москва! Через столько эпох и народов — опять Москва!..

НОВОЕ ИМЯ!

Советско-западногерманское издательское предприятие

«ВСЯ МОСКВА»

выпускает в свет книгу повестей

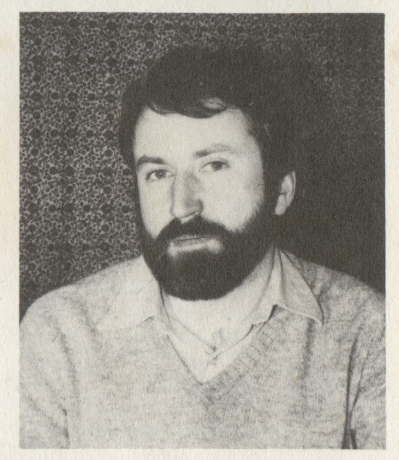
Юрия **КУВАЛДИНА**

«УЛИЦА МАНДЕЛЬШТАМА»

Вот что пишет в предисловии к книге Фазиль Искандер:

«...в мире мыслей автор чувствует себя как дома и хочет, чтобы и мы здесь чувствовали себя так же, однако и не слишком при этом распускали пояса, да и автор сам при должном гостеприимстве достаточно подтянут. Одним словом, это настоящая интеллектуальная, а точнее сказать, интеллигентная проза».

ПРИНЦИП ВЕТРА И ПОТОКА

Для меня искусство, которым я начал заниматься в 1975 году, всегда являлось исследованием культуры как современной, так и древней. Огромное духовное богатство, накопленное человечеством к концу XX века, и осознание конца модернизма, когда все возможности дальнейших формальных нововведений оказываются исчерпанными, ставят меня, художника, в положение покупателя и продавца на всемирном рынке имеющихся в наличии идей. При этом ни одна идея в чистом виде — здесь и сейчас — не является абсолютной и совершенной.

В течение длительного времени я старался быть «играющим художником». Жизнь прекрасна. Жизнь смешна. Жизнь ужасна. И жизнь богаче искусства, хотя и не может существовать без него. Полнота ощущений и потребность в их смене не мешает мне специализироваться в каком-то одном виде или жанре искусства. (Я занимаюсь и живописью, и графикой, и фотографией, и литературой.) Уже много веков назад возникло мнение, что профессионализация любого вида человеческой деятельности ведет к однобокости личностного бытия. Я не хочу делать искусство заместителем моего реального существования в этом мире, как не могу и отказаться от дополнения этого мира с помощью артефактов. В моем сознании искусство и жизнь протекают параллельно. Как однажды сказал мне в интервью А. Зверев: «Искусство — это ты сам, это как ты живешь, как ты дышишь...» Через пару недель он умер, и искусство его остановилось...

Большинство художников старается выработать определенную доктрину и следовать ей, как чему-то заданному на вечные времена. Действительно, при этом формируется «творческое лицо», узнаваемое с первого взгляда. Но есть художники, которые «проповедуют любое учение сообразно обстоятельствам и говорят то, что придет на ум». Мне ближе последние. На мой взгляд, сформировавшийся художник — «мертвый» художник.

Вот ветер, а вот поток. Когда прекратится ветер и прекратится ли он — неизвестно. Откуда несется поток и куда он впадает — также неведомо. Я стараюсь следовать принципу естественной природной жизни: течь, меняться, не останавливаться и не кончаться...

ГЕОРГИЙ КИЗЕВАЛЬТЕР

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 8 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 7. Варвара. 8. Куранты. 9. Итуруп. 13. Нектар. 14. Преамбула. 15. Кошара. 17. Лоджия. 19. Писарев. 23. Юкка. 24. Енот. 25. Семестр. 26. Крит. 27. Сова. 28. «Иоланта». 29. Овал. 30. Локк. 32. Артикль. 37. Каркас. 40. Эйрена. 42. «Подросток». 43. Кресло. 44. Импорт. 45. Насонов. 46. Шапорин.
По вертикали: 1. Бастион. 2. Кварта. 3. Труппа. 4. Журнал. 5. Каскад. 6. Стеатит. 10. Сени. 11. Амга. 12. Купе. 16. Рокировка. 18. Одоевский. 19. Пастила. 20. Самолет. 21. Рисунок. 22. Версаль. 31. Лауреат. 33. Руда. 34. Итог. 35. Латы. 36. Энергия. 38. Космос. 39. Способ. 40. Экипаж. 41. Рапсод.